18+

Алексей Макаров

ДЕТСТВО

Сборник рассказов



Алексей Владимирович Макаров
Детство. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25439083
ISBN 9785448552366

Аннотация

Каждый из нас когда-то был маленьким человечком и с нами происходили удивительные и невероятные события, которые глубоко залегли в нашей памяти.Чем чаще мы вспоминаем о них, тем дольше остаёмся детьми и тем больше в нас кипит энергия детства, а мы готовы и в зрелые годы свернуть горы, оставаясь при этом молодыми, сильными и здоровыми.В книге Алексея Макарова «Детство» собраны рассказы именно об этих годах детства, которые питают его всю жизнь и жизнь, окружающих его людей.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
А мы с Черёмой 6
Поджигатели 7
Биток 13
Кислота 25
Пистолет 40
Уроки труда 57
Рыбалка 71
Часть первая 72
Часть вторая 80
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Детство
Сборник рассказов

Алексей Владимирович Макаров

© Алексей Владимирович Макаров, 2025

ISBN 978-5-4485-5236-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый из нас когда-то был маленьким человечком. С каждым из нас в детстве происходили удивительные и невероятные истории, оставшиеся в нашей памяти.

Порой курьезные, порой радостные, а иногда даже печальные.

Чем глубже они залегли в нашу память, тем дольше мы остаёмся детьми, тем больше в нас кипит энергия детства, и мы готовы и в зрелые годы свернуть горы, оставаясь при этом молодыми, сильными и здоровыми.

В книге Алексея Макарова «Детство» собраны рассказы именно об этих годах детства, помогающие ему самому оставаться неунывающими и бодрым и заражать этими чувствами, окружающих его людей.

А мы с Черёмой

Дорогой друг, если ты не пыхтя с палочкой заходишь в свою квартиру на пятом этаже, а взлетаешь в неё, мечтая о том, что там тебя вновь встретит твоя любовь, если ты ещё молод душой и полон сил, то ты поймёшь всю серьёзность, юмор и тонкость историй из нашего детства

Поджигатели

Уроки на сегодня закончены. Портфель брошен в угол комнаты, и мне хотелось чем-то заняться. Я слонялся по комнате и не знал, что же такого сделать.

А делать есть всегда что. Ведь вчера папа дал мне почитать книгу про Гекельберри Финна и Тома Сойера. Об их невероятных приключениях на реке Миссисипи. Я читал запоем о приключениях этих отважных мальчишек. И, даже маму, когда она сказала, что надо идти спать, я не послушался, а залез под одеяло, чтобы продолжить чтение об этих храбрецах. С фонариком под одеялом читать душно. Я покрывался потом, периодически открывая одеяло, чтобы охладиться, но желание узнать о новых приключениях, полюбившихся мне авантюристов, пересилило все неудобства.

Больше всего мне понравилось их спасение на острове, где они палили костёр и искали еду, чтобы выжить.

Как же это всё сделать у нас? У нас нет ни такой громадной реки, ни лодок, ни рабовладельцев, ни негров. У нас есть только бешеная река Ардон и крутые горы. Но всё равно надо же как-то жить? С этой мыслью я метался по комнате, поглядывая на часы.

Потому-что скоро Черёмина бабушка закончит его кормить после школы и тогда он сможет спокойно выйти на улицу.

Но пока есть время, я взял авоську, сложил в неё с десяток картофелин, завернув их в газету, положил туда же спички и вынес всё это в коридор.

Стрелка часов приблизилась к двум часам и, решив, что кормление Черёмы закончено, я пулей вылетел из квартиры и побежал к подъезду Черёмы. По пути мне попался Жаронд. Он, как всегда, что-то жевал. Длинная рыжая чёлка мешала мне рассмотреть его глаза и узнать, что у него на уме. Может быть, он опять затеет новую драку или даст тебе подзатыльник. Всё зависело от его настроения.

Но сегодня Жаронд меня даже не заметил. В руках он держал кусок хлеба с маслом, посыпанный сахаром, и упивался его вкусом. Что ему до малявки под ногами с авоськой за плечами, если в руках он держит такое богатство.

Незаметно прошмыгнув мимо Жаронда, я юркнул за угол.

– Черёма! – прокричал я в полголоса, остерегаясь того, чтобы ни Жаронд, ни Черёмина бабушка не услышали мой крик. Черемина бабушка глуховата и не всегда слышала, что делается вокруг. Порой мы этим и пользовались.

Но на мой крик Черёмина голова сразу же свесилась с балкона.

– Чего надо? Тихо. Бабка только уснула. – Прошептал он.

– Давай, иди сюда, – махнул я своему другу рукой. – Дело есть, – шепотом я, показывая на свёрток в авоське.

Глаза Черёмы оживились, и он одобрительно махнул мне рукой. Мол, жди.

Через минуту он уже стоял рядом со мной. Мы осторожно выглянули за угол. Где же Жаронд? Но его не увидели. Путь свободен! И мы выбежали со двора.

Отбежав подальше, присели за ближайшим сараем, чтобы перевести дыхание.

– Ну, чего надо? Чего кричал? Что это у тебя там, в авоське? – забросал меня вопросами Черёма.

– Что, что? – недовольно и загадочно говорю ему. – А ты читал про Гекельберри Финна и Тома Сойера, как они спаслись на острове?

– Нет, не читал, – удивился вопросу Черёма. – А откуда ты это взял?

– Да папа мне вчера дал эту книгу. Знаешь, как там у них всё было здорово. Они там чуть не умерли с голода на необитаемом острове, и только костёр смог спасти им жизни. Ты есть хочешь?

– Нет, – отрицательно покачал головой Черёма. – Меня бабушка уже покормила, – и, все ещё ничего не понимая, пожал плечами.

– Балбес. Не о еде идёт речь. А о том, как можно выжить без неё. Надо просто развести костёр и спасаться тем, что есть в руках. Вот мы и пожарим в нём картошку.

– Так, где же её взять, эту картошку? – Удивился Черёма, но, взглянул на мою авоську, радостно воскликнул. – Так мы спасены! У нас есть средство для выживания! Я знаю место, где мы можем спасти наши жизни! За мной! – и мы полезли

в гору.

Недавно там построили последний сарай из катаных брёвен. Его задняя стена почти входила в основание горы и хозяева сарая привалили её большими камнями.

Внутри сарая слышалось блеяние овец, оттуда шёл тёплый запах кошары. Вот тут мы и решили развести костёр для нашего выживания.

Насобирав небольшую кучку щепок и мелких веток, мы привалили их к брёвнам сарая и уложили шалашиком, а внутрь подсунули газетку, в которую я завернул картошку.

С первой спички костёр, конечно, же не загорелся, но со второй попытки он вспыхнул и горел почти бездымно. Мы начали подкладывать в него картошку. Как только её бока начинали чернеть, мы её переворачивали палочками и пробовали на мягкость.

От копоти костра и, начинающих чернеть брёвен сарая, дыма становилось всё больше и больше.

Довольный, что у нас всё получилось, я смотрел на Черёму. Лицо его выглядел так же, как и у Тома Сойера, закопчённое, а губы точно, как негритянские. Так мы закоптились от костра и его дыма.

Мы смеялись, показывая друг на друга пальцами и ели полусырую картошку, хоть и твёрдую, но до безумия вкусную.

Если оторвать подгоревший край, то она там была даже сладкая. Мы чувствовали себя на необитаемом острове, на котором нам удалось выжить.

Но тут перед нами вырос здоровенный мужик, что-то орущий по-осетински. Он сграбастал нас в охапку, вытащил из-под крыши сарая и вцепился в наши уши. И тут уже по-русски начал кричать на нас.

– Вы что надэлали!? Вы зачем захотели загорэть мой сарай? Где твой родители? Они мнэ сейчас за всё заплатят! Я вам всэ ваши уши оторву!

Мы с Черёмой только орали, вопили и визжали от боли и неожиданности, что наше спасение на необитаемом острове так печально закончилось.

А в это время какие-то женщины заливали наш костёр водой и громко-громко причитали.

И вот так, нас визжащих, орущих от страха, перепуганных, прокопченных, этот страшный мужик дотащил до нашего дома.

А там во дворе стояли моя мама и тётя Галя. Мама Черёмы. Они нас потеряли и пытались найти.

Мужик бросил нас к ногам наших матерей.

– Ви знаетэ, что они только что не сожгли мой дом и моих овец? Куда ви смотрела? Ви что не можете смотреть за своими дэтьми? Если у мэнэ что-нибудь сгорело, ты будэшь платить, – грозно пообещал он, развернулся и ушёл.

Ну а теперь наступило самое страшное. Расплата за содеянное.

Тётя Галя взяла своего сыночка за шиворот, а затем последовал и мой черёд. Меня так же за шкварник, без всяких

рассусоливаний затащили в квартиру и долго-долго воспитывали через одно очень доходчивое место.

А утром, как всегда, тётя Галя во дворе попросила мою маму довести Черёму до школы. У моей мамы ещё оставалось время перед работой сделать это, а до поликлиники, где работала тётя Галя, очень далеко, и поэтому она сильно торопилась.

– Ты уж и моего пожарника прихвати, – попросила она мою маму, усмехаясь.

Взъерошенный Черёма выглянул из-за юбки матери и посмотрел на меня невинными глазами. Когда его мама ушла, я шепнул ему:

– Ну, что? Лупили?

Тот, поёжившись, кивнул, а я заговорщицки подмигнул ему:

– И меня тоже. Но зато мы знаем, как выживают индейцы, – и ободряюще подмигнул ему, на что Черёма только улыбнулся.

Мама взяла нас за руки и повела в школу. А мы, иной раз, когда немного обгоняли её, смотрели друг другу в глаза и, понимающе, смеялись.

Владивосток
2013 год

Биток

Пришла весна и у нас начался новый сезон игр. Зимой и, вообще всегда, мы играли в яльчики, а сейчас в шарики – ролики.

Правила простые. На линии должны выставляться шарики от подшипников или ролики от тех же подшипников. Столько, сколько желающих поиграть. От каждого по два шарика или ролика. Их устанавливали в ряд, а тот, кто бьёт первым, должен иметь самый большой шарик от подшипника. Это биток. И чем больше биток, тем большая вероятность, что он собьёт больше шариков в ряду и заберёт сбитые себе. Проигравшим вновь придётся выставлять шарики на линию, и ждать своей очереди, чтобы ударить битком.

Бьющий отходил на 15 шагов и кидал в ряд шариков биток.

Биток – это очень большой и круглый шарик от подшипника. Если удавалось выбить из ряда хотя бы один шарик, то бьющий подходил к отметке 10 шагов и опять бил по ряду шариков. Всё дело заключалось в битке. Чем крупнее биток, тем меньше он зависел от неровностей асфальта и тем больше он сбивал шариков в ряду.

Мы с Черёмой на двоих имели всего 20 шариков и маленький биток. Шансов выиграть очень мало. И мы с ним иногда сидели и завидовали пацанам с большими битками.

У нас такого битка не было. И где его можно взять, мы даже не представляли.

Можно, конечно, его выменять. Но такого дурачка, который в самый разгар сезона игры согласился бы на обмен, найти не представлялось невозможным.

И как-то после школы мама позвонила домой, справиться об моих уроках. Она всегда так делала, чтобы знать, что я дома и опять чего-нибудь набедокурил.

Конечно, я ответил ей, что все уроки сделаны, в комнате порядок, а я читаю книжку. Но в этот день мама оказалась по-особенному доброй и предложила прийти к ней на фабрику, потому что захотела показать мне, где и как работает. Сейчас у неё выдалось свободное время, и она захотела выполнить своё давнее обещание.

– Можешь взять с собой кого-нибудь из своих друзей, – даже предложила она.

Вот этого я вообще не ожидал, хотя давно просил её об этом. Я так давно мечтал попасть на фабрику, огромными серыми зданиями возвышающаяся в конце посёлка.

Каждый день я видел, как вагонетки по канатной дороге привозили к ней руду и пустыми возвращались на рудники.

На рудниках добывалась руда и там работало много горняков. Папа несколько раз по воскресеньям брал меня в шахты и показывал места своей работы, а вот мама ни разу не брала меня на свою работу. И, вот такое счастье случилось! Она

позвала меня к себе на фабрику.

Я немедленно сообщил об этом тёте Глаше, нашей домработнице, и начал собираться на фабрику. Но не одному же мне идти? Тем более мама предложила взять друзей. А друг кто? Да Черёма же! Поэтому я сразу же выбежал во двор.

Мы уже переехали из каменного в трехэтажный дом, в котором на первом этаже находился ресторан. Черёма теперь тоже жил в новом доме рядом, где располагался магазин типа универмага.

Балкона у Черёмы в квартире уже не было и всегда приходилось подниматься к нему на второй этаж и стучать в дверь. До звонка я едва дотягивался.

Пробежав в соседний двор, я поднялся на второй этаж и забарабанил в дверь. Днём это можно. Бабка уехала, и дома находился только Черёмин старший брат Юрка. Он и открыл мне дверь.

– Чего ломишься? – как всегда недовольно встретил он меня и прокричал вовнутрь квартиры, – Вовка! Иди. К тебе Макарон припёрся, – и ушёл.

Черёма тут же высунулся из двери своей комнаты:

– Чего надо? – с подозрением смотрел он меня.

Потому что после последнего «внушения», мама объяснила ему, что от меня ему добра не дождаться и пусть он лучше подумает, прежде чем согласится на очередное предложение своего вечно озадаченного друга.

– На фабрику хочешь сходить? Мама нас зовёт. Она хочет

показать, как работает фабрика. Хочешь? – выпалил я сразу, чтобы рассеять Черёмины сомнения.

Глаза у Черёмы загорелись.

– Конечно! – Восторженно, чуть ли не прокричал он. – Жди. Сейчас оденусь, – и исчез.

Через минуту он оделся, и мы пошли на проходную фабрики. Там попросили вахтёра позвать маму и стали её ждать. Мама скоро вышла к нам и очень удивилась, что нас только двое. Но я пообещал ей, что в следующий раз приведу весь класс. Мама потрепала нас по головам и повела за собой.

Мы поднялись на самый верх. Туда, где вагонетки по канатной дороге привозили руду. На приёмной платформе тихо вращались огромные колёса и негромко жужжал несущий трос. Вагонетки шли одна за другой. Они заезжали в бункер и специальным устройством переворачивались. Руда с грохотом летела куда-то вниз.

Мама объясняла нам всё, и мы с интересом её слушали. Но самое страшное мы увидели в дробильном цехе. Там стоял невероятный шум. Вращались громадные барабаны и в них что-то грохотало. Сквозь этот грохот мы почти не слышали мамин голос. Но, когда мы вышли из этого ужасного цеха, то она объяснила, что в эти барабаны насыпается руда и дробится она большими чугунными шарами, лежащими на фабричном дворе. Она даже показала нам во двор, где эти шары лежали громадными кучами. Барабаны назывались грохотами.

Потом мы пошли во флотационный цех, где медленно вращались какие-то пропеллеры, и я поразился количеством грязи в нём. Мама сразу нас остерегла:

– Будьте осторожны, не перепачкайтесь. Это не грязь, это рудный концентрат. Его по конвейеру потом будут грузить вон в те огромные баки и увезут в город. А уже там из него будут выплавлять и цинк, и свинец. И даже немного серебра.

Нас так поразило всё увиденное, особенно шум и громадные механизмы, что мы потеряли дар речи. Мы по-настоящему ощутили, какими мы все маленькие и ничтожные. Почти букашки, по сравнению с этой громадной фабрикой.

А, когда мама сказала, что нам ещё очень многому надо научиться, чтобы управлять такими механизмами, то мы с ней сразу согласились. И мне даже захотелось побыстрее вернуться домой, чтобы доделать незаконченные задания по математике.

Мама, закончив экскурсию, пошла проводить нас, а мы спустились в самый низ, где через токарный цех, и пошли к выходу.

В цехе стояло много разнообразных станков и на них на всех работали люди, вытачивая разнообразные детали. Я даже увидел несколько знакомых дядек и нашего соседа, которые сосредоточенных на своей работе.

Но один станок, самый большой, стоял разобранный, и около него суетилось несколько человек. Руки у них у всех перепачканы, а в руках они держали какие-то приспособле-

ния. По их виду я понял, что они пытались что-то отремонтировать. Мы тоже туда сунулись, но мама нас строго предупредила:

– Не надо мешать дядям, они и так заняты. Им сегодня обязательно надо сделать этот станок, чтобы изготовить новую деталь для грохота. Кроме них этого никто не сможет сделать. И если они это не сделают сегодня, то фабрика не сможет работать в полную силу и месячный план не будет выполнен. Не мешайте им, – и повела нас к выходу.

От этих важных слов моё любопытство превзошло само себя и заставило меня вновь сунуть свой нос посреди дядек в грязной спецодежде.

И тут я увидел такое, что затмило все мамины слова, всю ценность экскурсии по фабрике и всё, что было у меня перед этим! А увидел я подшипник, который эти озадаченные дядьки должны поставить на громадный станок.

Вот это подшипник! О! Громадный подшипник! Изумительный подшипник! Самый лучший подшипник во всём мире, который я когда-либо видел! Это был не просто подшипник – это был заведомый путь ко всем нашим будущим выигрышам в шарики-ролики.

В нём находились такие шарики! Ни у кого из всех наших пацанов не было таких громадных шариков. Самые настоящие битки! У меня перед глазами даже предстал наш будущий выигрыш!

Подтолкнув Черёму локтём, я показал ему глазами на под-

шипник. Черёма ничего не понял, а только лупал глазами. Чтобы мама не заподозрила меня в моих сокровенных мыслях, я заторопился покинуть токарный цех и потянул за собой Черёму, чтобы побыстрее выйти через проходную фабрики.

Мама, увидев мою суету, даже забеспокоилась:

– Куда же это вы? – подозрительно осмотрев нас.

– Уроки надо доделать, мама, – озабоченно, уже на бегу, крикнул я в ответ.

Черёма ничего не понимал, когда мы выбежали за проходную фабрики.

– Что такое? Что случилось? Чего ты бежишь? – всё повторял он, неотступно следуя за мной.

– Быстрее, быстрее, – торопил я его, не отвечая на его глупые вопросы.

Мы оббежали фабрику вокруг, подкрались к забору и оказались как раз напротив токарного цеха. Мужики всё ещё толпились около станка, но видимо, собирались куда-то уходить.

– Тихо сиди, – приказал я Черёме. – Сейчас они уйдут на перерыв, после него установят вон тот громадный подшипник на место, – я показал Черёме на прислонённый к станку подшипник, – и у нас не будет битков.

– А – а – а… – протянул Черёма. – А я-то думаю, куда ты побежал? – и тут же начал заваливать меня новыми вопросами: – А как же мы его вытащим? А как мы его разобьём?

– Подожди. Всё потом, – прервал я поток его сомнений. – Самое главное – это что бы нас никто не заметил. А потом уже сообразим, что делать дальше, – и мы затаились за забором, в ожидании, когда уйдут рабочие.

Мужики, и в самом деле, скоро ушли. Я же слышал, как они говорили, что если они не закончат работу до конца рабочего дня, то все равно продолжат работать, пока не соберут станок.

Подождав для гарантии ещё некоторое время, мы прокрались в цех.

Все станки выключены и вокруг стояла тишина, потому что рабочее время первой смены закончилось, а вторая ещё не пришла. Цех оказался пуст.

Подшипник лежал на прежнем месте. Мы попытались поднять его. Но это у нас не получилось. Оказалось, что он очень тяжёлый и неподъёмный для нас. Пришлось катить его к забору. Мы еле-еле просунули его в дырку в заборе и докатили до бетонной стенки. Поставили его вертикально и я пару раз ударил его палкой, но подшипник даже не сдвинулся с места.

Что же делать? Я в отчаянии терялся в догадках. Неужели мы его зря стырили? Неужели придётся переть его назад? Ну, уж нет! Надо что-то с ним сделать. И тут умная мысль пронзила меня. Во дворе же лежит куча чугунных шаров от грохотов. А если ими разбить этот подшипник? Правда, шары тяжёлые, но прикатить их можно. Точно!

«Так и сделаем», – упрямо решил я.

– Давай шары прикатим. Ты один, да и я другой. А ими и разобьём подшипник, – предложил я Черёме, но тот с недоверием посмотрел на меня.

– А получится?

– Не бзди горохом. Давай быстрее, пока у них пересменка, – начал торопить я Черёму.

Через дырку в заборе мы опять проникли на заводской двор и с превеликим трудом прикатили к бетонной стенке два шара. С трудом закатив их на стенку, присели передохнуть.

– Значит так, – поучал я Черёму, – берём по шару и кидаем на подшипник. Он должен расколоться. Пацаны говорили, что они быстро колются, – хотя в своих словах я сомневался, потому что знал это только со слов пацанов. Тем более, что они рассказывали только о маленьких подшипниках, а про такой здоровенный никто никогда не говорил. Черёма смотрел на меня с недоверием.

– Так уж и расколется? – неуверенно переспросил он меня. – Смотри, какой он здоровый. А эти шары маленькие. Надо же ещё и попасть по нему?

– Попадём, – с нахальной уверенностью я сплюнул на сторону и приказал: – Давай поднимай.

Мы вдвоём подняли этот, хоть и маленький, но тяжеленный чугунный шар, прицелились, и бросили вниз на подшипник.

Хоть мы и попали в него с первого раза, но подшипник не раскололся, а только глубже ушёл в землю. Я догадался. Под подшипник надо подложить что-то твёрдое. Мы нашли большой плоский камень, притащили его к стенке и установили на него ребром подшипник. Приготовились к броску и бросили вновь вниз этот тяжеленный шар. Удар вновь получился не точным. Шар полетел в одну сторону, ну а подшипник только завалился на бок.

После пятой попытки силы у нас закончились. Мы сидели взъерошенные, потные, грязные, запыхавшиеся и усталые. К тому же мы не сняли школьную форму, в которой пришли на экскурсию к маме.

– Всё! Давай в последний раз. Получится, так получится. А не получится разбить эту гадину, то откатим его обратно в цех, – решил я.

Мы вновь подняли тяжеленный чугунный шар, прицелились и бросили его на подшипник, который зловеще стоял внизу.

И, о чудо! Шар попал точно по подшипнику. Тот как-то звонко крякнул и раскололся. Некоторое время мы стояли в недоумении. Как? У нас получилось? Да! Получилось! Мы всё-таки раскололи этого монстра! И мы от переполнявшей нас радости заплясали и заорали на краю бетонной стенки.

Успокоившись, спустились вниз и начали собирать раскиданные шарики. Вот это шарики!!!? Это необыкновенные шарики. Это шары! Это теперь наши битки! Ни у кого из на-

ших пацанов таких битков ещё никогда не было. Теперь мы будем вечными победителями! Ура!

Радость за предстоящие победы переполняла нас и, завернув битки в подвернувшуюся тряпку, отнесли их к нам в сарай. Ключ от сарая лежал под порогом. Так что сарай легко открыли и спрятали там битки.

Вот тут только мы посмотрели друг на друга. Да! Вид у нас был не из лучших. Вся наша школьная форма оказалась перемазана грязью, ржавчиной от чугунных шаров и тавотом от подшипника. Вот за это нам уж точно попадёт. Мы попытались оттереть грязь друг с друга, но ничего не вышло.

– Да, ладно. Будь, что будет. Отлупят, так отлупят, – пофилосовски решили мы. – Зато у нас есть битки! – и разошлись по домам.

Дома я быстренько спрятал грязную форму в ванной, и долго-долго мылся с мылом. Тётя Глаша ничего не заметила. Потом пришла мама. Она покормила нас и уложила спать. Но, от всего пережитого, мне не спалось.

Папа пришёл поздно вечером. Слышалось, что он чем-то расстроен. Что-то серьёзное случилось на работе. Я осторожно вылез из кровати, пристроился за углом в коридоре и пытался подслушать, о чём же говорят родители.

Мама накрыла на стол и села рядом с папой. Папа и вправду на что-то злился, а мама всё допытывалось:

– Что же случилось? Ведь вечером всё же было хорошо, – на что папа ей начал изливаться.

– Эти спецы из токарного цеха пропили подшипник или задевали его куда-то. Они так и не собрали станок. Они так и не выточили вал к барабану грохота. И теперь месячный план фабрики не будет выполнен, и мы все лишимся месячной премии. Чёрт бы их всех побрал, – негодовал он. – Поувольняю всех к едрёне бабушке. Сколько сил я потратил, чтобы добыть этот подшипник. И всё коту под хвост! Нет! Этого я так не оставлю!

Мама всячески пыталась успокоить папу, а я потихоньку, как нашкодивший кот, быстро юркнул к себе в комнату, зарылся под одеяло и крепко заснул после очень трудного рабочего дня.

Никогда папе я не рассказывал про этот подшипник. Да он меня бы и не понял. Ведь папа – по-настоящему красный директор, для которого смыслом жизни – это работа.

А мы с Черёмой стали победителями этого сезона в шарики – ролики. Мы их выиграли столько много, что потом не знали, куда их девать.

Владивосток
2013 год

Кислота

Я ждал Черёму после уроков. Их класс сегодня по каким-то причинам задержали, и я стоял около главной лестницы на выходе из школы, чтобы не пропустить своего друга. Я знал, что он выйдет через заднее крыльцо, потому что через него в это время опасно выходить, из-за играющих там во дворе пацанов из интерната. Там можно запросто нарваться на неприятности, обычно заканчивающихся дракой.

Поэтому мы всегда использовали для выхода парадный вход и всегда старались вываливаться оттуда гурьбой, чтобы никто из интернатских к нам не пристал.

Но сегодня у выхода из парадных дверей школы я стоял один. Наконец-то Черёмин класс стал выбегать из дверей.

Вот и Черёма.

– Вовка! – окликнул я его.

Увидев меня, он обрадовался. Ему тоже не хотелось идти одному домой, а вдвоём интереснее и веселее.

– Привет! – Радостно засияли его глаза, как будто две перемены назад мы не гоняли вместе с ним в школьном дворе. – Чего ждёшь? Или скучно идти домой?

– Нет. Не скучно, – загадочно посмотрел я на Черёму. – Дело есть.

– Чё за дело? Опять лупить потом будут? – с опаской посмотрел на меня Черёма.

– Да не бзди ты горохом, – веско растягивая слова, успокоил я его. – Просто после школы переодевайся и пойдём в одно интересное место. Я вчера там был и одному мне там не справиться. Твоя помощь нужна, – я обнял Вовку за плечи и заглянул к нему в глаза.

– Ага. Так и нужна, – всё так же настороженно смотрел на меня Черёма.

Он всё ещё не верил в мои благие намерения, но, почесав затылок, согласился:

– Ладно. Рассказывай.

Я взахлёб начал ему рассказывать о перспективе сегодняшнего похода.

– Ты знаешь сарай у задних ворот фабрики? – как бы исподволь, поинтересовался я.

Тот, подумав, нехотя ответил:

– Ну. Знаю.

Ещё бы он не знал его. Этот сарай давно манил нас своей загадочностью, потому что двери его всегда держались закрытыми на громадный замок, узкие окошки затянуты колючей проволокой и ночью на него всегда светил огромный прожектор. Сколько раз мы подбирались к нему, чтобы заглянуть вовнутрь, через щели в дощатых стенах, но внутри ничего не увидели. И это нас ещё больше раззадоривало.

– Вчера я там был вечером, – заговорческим шёпотом пытался я объяснить Черёме. – Одна доска на задней стенке отошла и можно туда залезть. Но одному мне не отогнуть

её. Силы маловато, – пожав плечами, пояснил я, но тут же оправдался: – Но я притащил туда трубу. Вместе мы отогнём эту доску. Да и внутри темно. Надо, чтобы кто-нибудь светил фонарём. Ведь там такая темень, как в пещере Алладина, – я остановился и загадочно посмотрел Вовке в глаза.

– Нет! Я туда не полезу, – начал отказываться Черёма. – А если поймают? Что тогда будет? Опять лупить будут? Нет, я этого не хочу, – уверенно подытожил он свои доводы.

Мы уже подошли к его дому. Пришла пора прощаться, но мне так хотелось залезть в этот таинственный сарай и узнать, что же там такое секретное хранится. И тогда я привёл последний аргумент:

– Друг ещё называется, – обиженно пробурчал я, отворачиваясь и добавил: – Вон Том Сойер со своим другом не расставался, и они клад нашли.

О приключениях Тома Сойера и его друга Гекельберри Финна мы читали взахлёб и нам тоже очень хотелось найти клад и стать знаменитыми пацанами. Мы так об этом мечтали!

– А вдруг в этом сарае абреки спрятали клад? И если мы его найдём, то отдадим его в школу и о нас напишут в газете, – не сдавался я.

И этот мой последний аргумент полностью сломил сопротивление Черёмы.

– Ладно. Вот покушаю и тогда выйду, – нехотя согласился он, тут же добавив: – Без этого меня из дома не выпустят,

ты же знаешь.

Я радовался, что моя мечта сегодня может осуществиться.

Черёма пошёл домой, а я взлетел на второй этаж нашего нового дома, закинул портфель в угол и заглянул на кухню. Нашёл пару бутербродов, съел их, запил молоком и начал собираться в поход за кладом.

Поменял батарейку в фонаре, а то после недавнего путешествия по подвалам нашего дома, он светил слабовато. Эти плоские батарейки всегда продавались в нашем хозяйственном магазине, но не всегда получалось сэкономить деньги на их покупку. Но вчера я перетерпел искушение купить пирожки в буфете школы и взамен их купил новую батарейку.

Фонарь светил хорошо. Я проверил его в темноте ванной комнаты. Луч бил прямо и сильно. Я отрегулировал точку и остался доволен своим сокровищем. Этот китайский фонарик, папа привёз мне из Москвы.

Требовалось ещё взять складной нож, подаренный мне папой, небольшой моток проволоки и верёвку. Это на всякий случай. А вдруг придётся спасаться. Тогда без них нам совсем придётся плохо. И, конечно же, спички. У настоящих путешественников всегда с собой должны быть спички. Я завернул их в кальку и перевязал резинкой. Это на случай дождя во время нашего путешествия.

Всё это богатство я рассовал по карманам, оделся и выбежал из дома.

Вовка жил в таком же соседнем доме, но только их квартира являлась зеркальным отображением нашей. Я поднялся на второй этаж и, еле дотянувшись до звонка, позвонил.

Дверь, как всегда, открыл Юрка. Вовкин старший брат. Он сверху вниз презрительно посмотрел на меня и крикнул вглубь квартиры:

– Вовка! Иди! К тебе Макарон припёрся, – и впустил меня в коридор.

Вовка сразу же выбежал из своей комнаты.

– Заходи, – торопливым шёпотом встретил он меня. – Я сейчас, – видно, он тоже нешуточно собирался.

Вскоре мы вышли из дома и направились к задним воротам фабрики.

Огромный серый сарай возвышался возле них. Он, как бы, составлял часть забора и являлся продолжением ворот.

Мы осторожно огляделись перед подходом к этой громадине и осторожно прокрались к задней стенке сарая. По всей видимости, недавно кто-то ремонтировал забор и, когда прибивал колючую проволоку на соединении сарая с забором, то повредил одну из досок сарая.

Я это только вчера обнаружил. Доска немного отошла от общей стенки и за ней зияла щель. Но щель оказалась мала, чтобы в неё пролезть. Поэтому вчера я притащил кусок трубы, чтобы расширить её, но силы у меня одного не хватило, чтобы отогнуть отошедшую доску. Поэтому я привлёк

для этой операции Вовку.

Мы подкрались к задней стенке сарая и заглянули в щель. Внутри стояла зловещая темнота. Даже фонарь не пробивал её. Это всё предвещало то, что там внутри обязательно должен находиться клад.

– Давай, возьмём трубу, просунем её в щель, надавим вдвоём и увеличим щель. Этого нам хватит, чтобы пролезть вовнутрь, – предложил я Вовке.

Сейчас он уже со всеми моими предложениями соглашался. Его уже увлекла жажда путешествий и открытий.

Мы просунули трубу в щель, навалились на неё, и доска с противным скрипом сдвинулась с места.

Теперь щель оказалась настолько большой, что в неё можно пролезть двум худеньким пацанам, что мы и сделали через минуту. Конечно, мы не ящерицы, свободно проникающие в самые узкие щели, но в щель мы пролезли без труда. И даже нигде не зацепились ни за какие углы и гвозди и не порвали ни брюки, ни куртки.

Внутри стояла кромешная темень. Воздух жаркий и спёртый. И абсолютная тишина. Даже шум фабрики не проникал сюда. Это ещё больше подчёркивало таинственность нашего проникновения в сарай. Мы сразу включили фонарики.

В свете их лучей разглядели несколько рядов каких-то ящиков, поставленных вплотную к стенам. Проползти вперёд не получилось. Пришлось взобраться на самый верх этой

пирамиды из ящиков по самим ящикам.

Паутина противно липла к лицу и рукам, но мы, цепляясь за края ящиков и вставляя пальцы в щели между ними, взобрались на самый верх. Сверху этой пирамиды мы осветили сарай. Вдоль всех стенок стояли стопки картонных ящиков с жёлтыми или красными этикетками. Вниз спускаться страшновато. Высоко.

Я попытался спуститься, но один из ящиков, за который я держался, зашатался и рухнул вниз. В абсолютнейшей тишине раздался страшный грохот.

Это показалось нам пострашнее грома в грозу или грохота взрыва, когда буровики взрывали породу в штольнях. Мы замерли от страха и сидели наверху ни живы, ни мертвы. Не дай бог, если бы кто-нибудь услышал этот грохот. Но грохот стих. Мы подождали ещё некоторое время, притаившись на вершине пирамиды из ящиков. Но никто не появлялся. Вокруг сарая стояла прежняя тишина. Значит, никто нас не услышал, и можно продолжать дальнейшие исследования.

Мы сидели, затаившись в наступившей тишине. От страха у меня тряслись колени. Да ещё снизу началось раздаваться какое-то странное шипение. Как будто внизу проснулось тысяча змей.

Я посветил вниз фонарём. По полу сарая разливалось какая-то жидкость из разбившихся ящиков, и она начинала пениться. Это уже становилось интересным. Дрожь от первого

страха прошла и меня начало разбирать любопытство.

Я вытащил нож и, надрезав крышку одного из ящиков, посветил во внутрь. Там я разглядел какие-то серебряные цилиндры.

– Смотри. Серебро. Это что? Клад? – Завороженно прошептал Черёма.

– Сейчас посмотрим, что это за клад такой, – как бывалый кладоискатель хмыкнул я. Вытащив один из серебряных цилиндров из ящика, я встряхнул его. Внутри что-то булькало. Странно. Наверное, это булькала та жидкость, что разливалась по полу. Я размахнулся и швырнул цилиндр вниз.

Стекло цилиндра с грохотом раскололось, и из него потекла какая-то маслянистая жидкость. Вовка светил вниз и наблюдал, как она со зловещим шипением расползается по полу.

Он тоже вспорол другой ящик и вытащил оттуда такой же цилиндр. Размахнулся и тоже швырнул его вниз. Цилиндр раскололся, и из него тоже потекла та же жидкость. Когда его и моя жидкость встретились, то, к нашему удивлению, они стали пенится.

Вот это да! Вот это здорово! Мы совсем осмелели и начали швырять серебряные цилиндры вниз один за другим, толкать ящики ногами, чтобы они падали вниз.

Вокруг стоял только звон разбитого стекла и шипение разлившихся жидкостей. Весь пол покрылся пеной. Нас обуял азарт. Хотелось, чтобы пены становилось больше и больше.

Но тут Вовка чего-то закашлялся, да и у меня стало першить в горле и слезиться в глазах.

Поняв, что мы что-то тут такое натворили, мы быстренько спустились с этой пирамиды ящиков вниз и вылезли через щель из сарая. Пол около щели тоже почему-то оказался мокрым.

Когда мы вылезли и отдышались, то у нас начало щипать лицо, руки и ноги и мы побежали к ближайшей колонке мыть их.

Как же я удивился, когда увидел, что чулки в сандалиях стали разлезаться на ниточки. Тут уж воды мы не жалели. По очереди жали рычаг колонки и, то и дело, подставляли по упругую струю воды то руки, то ноги.

Хорошо, мы надели старые брюки. На них тоже стали появляться дыры.

Мы завороженно смотрели на это чудо, как наша одежда сама собой разлезалась на клочки, как по волшебству.

– Смотри, Вовка. У меня от чулок почти ничего не осталось, – удивлённо смотрел я на свою одежду.

– И у меня тоже, – так же удивлённо лепетал Вовка.

– Давай, бежим быстрее по домам. Надо сразу умыться и переодеться, а эту старую одежду надо побыстрее выкинуть на помойку. Только ничего никому не говори. А то нам точно влетит. Это должно остаться нашей самой страшной тайной, – скомандовал я и мы со всей прытью понеслись по домам.

Родители с работы ещё не пришли. Я скинул всю одежду и залез в ванну. Горячей воды не было. Для этого надо растопить колонку. Но уже шёл пятый час, и мама должна вот-вот вернуться с работы. На растопку колонки времени не оставалось. И я, повизгивая от холода воды, старался промыть те места, которые до сих пор чесались.

После мытья на ногах и на руках остались только небольшие покраснения. Но это уже не страшно. Я собрал повреждённую одежду в мусорное ведро и вынес его на помойку. Потом разложил учебники и принялся ждать маму, изображая приготовление домашнего задания.

Мама вскоре пришла, но увидев меня за раскрытыми книжками и тетрадками, только похвалила:

– Умница. Занимайся, занимайся, – а когда она увидела, что и мусор вынесен, то вообще растрогалась, подошла ко мне и погладила по голове:

– Ты вообще сегодня молодец. Я пойду в детский сад за Андрюшкой, а ты продолжай заниматься. Когда я приду, то мы вместе всё и проверим.

Когда она ушла, то я с облегчением вздохнул:

– Фу! Ничего не заметила! Пронесло. Как там дела у Черёмы? Не попался ли он? – всё донимала меня мысль.

По телефону я набрал Вовкин номер. Трубку поднял Юрка.

– Позови Вовку, – попросил я его. Тот, как всегда, недовольным голосом позвал Вовку.

– Ну как там у тебя? – почему-то прошептал я в трубку, хотя дома никого не было, и никто не смог бы услышать меня.

– Да всё хорошо. Мусор вынес. Меня даже за это похвалили, – так же шёпотом успокоил меня мой подельник.

– Ладно. Если не заметили, то всё хорошо. Давай. До завтра, – и повесил трубку.

Папа всегда приходил поздно вечером. У него всегда долго задерживался на работе. Мама его кормила, а потом он звал нас и рассказывал нам нескончаемую сказку о солдате Иване Ивановиче и его приключениях.

Эти сказки оказались настолько интересными, что на прошедших каникулах я даже записал в тетрадку часть из них. Получилась почти целая тетрадь. Я бы и больше записал, но меня отправили в пионерский лагерь, а потом мы всей семьёй поехали в Сочи. Тетрадку я куда-то закинул, и забыл о ней.

А сейчас папа продолжал эти нескончаемые сказки. Мы с братом завороженно их слушали и всегда с неохотой воспринимали папины слова:

– Ну, а что было дальше, вы узнаете завтра.

И сегодня сказка закончилась теми же словами. Пришлось опять идти мыться перед сном. Мама увидела розовые пятна на моих руках и ногах и всполошилась.

– Опять что ли у Алёши началась аллергия, – говорила

она папе на кухне. На что тот ей ответил:

– Посмотрим завтра. Если пятна не пройдут, то отвезу его с утра к Собанову, – сердце моё так и обмерло. Точно. Лупить будут.

Я долго ворочался с боку на бок, представляя завтрашнее разоблачение.

Но утром все пятна у меня сошли. Мама была счастлива от того, что с её чадом всё хорошо и его не придётся его вновь лечить. Она только допытывалась у меня о том, что я ел вчера. Ну, тут моя фантазия ограничений не имела. Я знал, что мне есть нельзя:

– Цахтон с чёрным хлебом и солёные огурцы, а потом шоколадку, – не сморгнув глазом соврал я.

– Да что же это такое! Я же тебе тысячу раз говорила, что это тебе нельзя, – неподдельно возмущалась мама. – Хочешь опять в больницу? Теперь ты уже не у Собанова будешь лежать неделю, а в городе целый месяц! И мы к тебе не сможем приезжать. Целый месяц ты там будешь один, – пугала она меня.

Нет. Туда мне точно не хотелось. И я, заканючив, пустил слезу. На маму они подействовали моментально. Она тут же успокоилась и назидательно внушала мне:

– Пообещай мне, что ты этого больше кушать не будешь. Только хорошо пообещай. Чтобы я могла тебе верить, – мама присела передо мной на корточки и ждала ответа.

Пришлось пообещать всё то, о чём она просила. И это

возымело результат.

– А если ты будешь выполнять свои обещания, то мы с папой, когда будем в городе, купим тебе новый альбом для марок и самые новые серии марок, – радостно пообещала мама, видя несчастный вид своего старшего сыночка.

Ну, за это я вообще готов на всё. И тогда уже от всей души я клялся, что ни за что на свете не нарушу маминых запретов.

Но время настало идти в школу. Уже стоя в дверях, я услышал, как мама говорила папе:

– Видишь, ребёнок не может самостоятельно правильно питаться. Нам нужна домработница. Она будет за ним следить. И тогда мы забудем о лекарствах и больницах.

Что ответил папа, я уже не услышал, потому что ринулся вниз по лестнице и мчался к Черёминому дому.

Вон и он. Черёма уже шёл впереди меня. Я догнал его. Запыхавшись, я выпалил:

– Ну, что? Обнаружили? – на что Черёма сверкнул глазами.

– Неа! Я всё убрал и выкинул, как и договаривались, – тарахтел он.

И тут же понизил голос и, оглядываясь по сторонам, прошептал:

– А здорово эта штука шипела и пенилась! Что же это такое было?

– А! Не знаю, – отмахнулся я. – Наверное, какая-то химия.

Забудь. И никому не говори. А то точно нам головы открутят.

И мы продолжали наш путь в школу через мост над бушующим Ардоном, вдоль стройки и нашего бывшего детского садика.

Жизнь наладилась. Я выполнял, данное маме обещание, приносил только хорошие отметки. Прасковья Антоновна не звонила больше маме о моём безобразном поведении. У нас появилась домработница тётя Глаша. Всё шло прекрасно. Папа каждый вечер нам рассказывал о нескончаемых приключениях солдата Ивана Ивановича.

Но как-то в разъярённом состоянии папа вернулся поздно вечером домой. Интуитивно я понял, что сказки на сегодня отменяются.

Папа даже ничего не поел. Он только ходил по кухне и беспрестанно курил у себя в кабинете. Мама пыталась его успокоить, но у неё ничего не получалось.

Из любопытства я прокрался к кабинету и слушал, как папа поносил каких-то пожарников, которые только и знают, что спать и пить араку.

Они сорвали очередное освидетельствование пожарного оборудования. Теперь, из-за их разгильдяйства, половина запасов зарядов для огнетушителей разбита и уничтожена. Управлению из-за их халатности придётся выплачивать какие-то штрафы и нести громадные убытки. Папа в пылу обещал им всем снести головы, наказать, оштрафовать, снять

с должности.

Сердце моё уже не билось от страха, оно где-то трепыхалось далеко в пятках. А папины слова «кислота, разбитая кислота», испугали меня больше всего.

Так вот почему разлезлась наша одежда и пекло кожу на руках и щеках. Оказывается, это мы перепачкались страшной кислотой. Она же могла нас сжечь, оставить слепыми или калеками. Но нам несказанно повезло из-за того, что мы сидели наверху и кислотные миазмы не коснулись нас.

В итоге мы с Вовкой решили:

– Ну его к чёрту эти клады. В посёлке их точно не найдёшь. Надо искать их в другом месте.

А сарай этот мы с Черёмой обходили потом десятой дорогой.

Владивосток
2013 год

Пистолет

Сегодня папа пришёл домой в хорошем настроении и не такой усталый. Мама его покормила, и он позвал нас на очередную сказку о похождениях Ивана Ивановича. Как всегда, мы уселись вокруг кухонного стола и внимательно, не перебивая папу, слушали о том, какой же он молодец этот солдат.

Как обычно, папа закончил сказку словами:

– А что будет дальше, вы узнаете завтра, – и отправил нас спать, несмотря на все наши стоны и просьбы продолжить рассказ.

Но, после впечатлений о похождениях нашего любимого героя, я не мог уснуть и выбегал, то в туалет, то попить, а то просто разрешить насущно важный жизненный вопрос, который возник в данный момент. На эти мои выбегания родители реагировали спокойно, и всегда старались полностью удовлетворить моё любопытство.

А сегодня, в один из таких вечерних визитов к родителям, я услышал, как папа рассказывал маме о том, что произошло у них в рудоуправлении, и почему у него такое хорошее настроение.

Оказывается, что сбылась его давнишняя мечта. Теперь в нашу столовую привезут самый настоящий морозильный прилавок, и продукты теперь не будут пропадать, и рабочие

всегда смогут есть свежие блюда и пить холодные напитки. Папа потратил очень много сил, чтобы достать этот прилавок и от этого сегодня радовался.

Прилавок должны привезти завтра после обеда, а через несколько дней приедут специалисты и поставят его в столовой.

Мне очень заинтересовало, что же это за чудо такое этот агрегат, который станет помогать рабочим фабрики и жителям всего нашего посёлка. И я решил, что надо обязательно посмотреть на это чудо техники, когда его привезут. С этой мыслью я и уснул.

На уроках мне спокойно не сиделось, и учителя постоянно делали мне замечания, чтобы я не вертелся и не отвлекал других учеников от занятий.

Наконец-то уроки закончились, и я пулей побежал домой.

Своей озадаченностью я на переменках поделился с Черёмой. Мы договорились с ним обязательно встретиться после школы около столовой.

Задний двор столовой выходил на небольшую площадь, где находились базар и несколько магазинов.

Место знакомое. Когда возникли трудности с хлебом, то я торчал там часами в очереди, ожидая подвоза свежей порции хлеба у магазина. Каждый день мама посылала меня туда в молочный магазин за молоком. И после школы я всегда ходил туда с бидоном. Чтобы не скучать в этих очередях, то

и Черёма ходил туда вместе со мной. Ему тоже давали задание, чтобы он покупал молоко и хлеб.

А сейчас нам ни хлеба, ни молока не нужно. Мы пришли посмотреть, что это за прилавок такой интересный сегодня должны привести. Папа вчера говорил, что его привезут после обеда. Но послеобеденное время уже наступило, а машины с прилавком так ещё и не приехала.

Черёме надоело сидеть в ожидании, и он выискивал любой повод, чтобы уйти домой:

– Вот, сидим мы тут только зря. Время идёт, а прилавок, так и не везут. А привезут ли его вообще? Пора делать уроки. Мать придёт, увидит, что уроки не сделаны и будет ругать. Нет, пора идти домой. Завтра вот и посмотрим на этот прилавок. А то и лучше будет посмотреть на него, когда он будет уже в столовой.

Я уговаривал Черёму подождать ещё немного. Ведь до города далеко, и машина может опоздать, это же не автобус, который ходит по расписанию. Но Черёма не унимался и всё ныл. Тогда я пошёл на крайнюю меру. Мы пошли на базар, и я купили большой стакан семечек за десять копеек, которые я сегодня сэкономил на завтраке.

Набили семечками карманы, сели на корточки у стены парткома и щёлкали их. Тут уже Черёму я не слышал с его стонами, так как он щелкал семечки.

Вскоре подъехал подъёмный кран и встал около ворот

на входе во двор столовой. Водитель его прошёл в помещение столовой, а через несколько минут подъехал грузовик. Из него вышли двое дядек и тоже прошли в столовую.

Я подтолкнул Черёму в бок:

– А ты не верил, что привезут, – и мы подкрались к грузовику посмотреть, что же там лежит в кузове.

Но борт грузовика оказался очень высок, и мы ничего не успели рассмотреть, так как из столовой вышли дядьки, открыли борт грузовика, залезли туда, зацепили какой-то деревянный ящик, и краном вытащили его. Ящик поставили у забора.

Потом дядьки сели в грузовик, а водитель крана в свой кран, и они разъехались.

Ворота у столовой закрылись и на площади мы остались только одни.

Вот это да! Вот это облом! Мы были не то, что разочарованы, нас такой поворот событий убил. Где же это то чудо, про которое вчера весь вечер рассказывал папа? Что же это такое? Как же так? Что? Ничего нет? Просто какой-то ящик! И всё?

Ещё больше я испытывал неудобство перед Черёмой. Я-то порассказывал ему про какие-то чудеса, а в итоге мы увидели только простой ящик. И больше ничего.

У Черёмы на лице отображалось точно такое же выражение удивления и разочарования, как и у меня. И он не замедлил выразить своё недовольство:

– Эх ты… Трепло. Тут только ящик и никаких прилавков. Пошёл ка я домой. Уроки надо делать, – Черёма встал и, не оборачиваясь в мою сторону, ушёл.

Я остался один. Но как же так? Почему ящик?

И, только сейчас, до меня дошло. Ведь, чтобы не повредить прилавок, его же запаковали! Потому и ящик. Ведь это же только упаковка! Прилавок то – внутри! Всё просто!

Я огляделся. На площади никого. Никто на меня не обращал никакого внимания, и я решил пробраться во двор столовой.

Между створками ворот оставалась громадная щель. В неё я пролез без труда. Во дворе тоже ни единого человека. Ящик одиноко стоял у забора в углу.

Быстренько пробежав к нему, я спрятался в щель между ящиком и забором. Здесь меня тоже никто не увидел.

Посидев несколько минут, я подождал, пока меня перестанет бить нервная дрожь. Отдышался, успокоился и принялся ощупывать ящик.

Он такой громадный! Но тут я обнаружил, что доски на ящике сбиты не аккуратно и можно заглянуть вовнутрь ящика через широкие щели. Внутри мне ничего разглядеть не удалось. Но там точно находилось что-то очень большое.

Я просунул пальцы в щель между досками и попытался отодрать одну из них. На удивление, доска легко поддалась и отошла с противным скрипом. Он прозвучал настолько пронзительно, что я подумал, что все люди в столовой

и во дворе его услышат. Но вокруг всё оставалось по-прежнему. Никто не выбежал из столовой, никто не кричал на меня и не тащил за ухо к директору или к родителям. Тогда я ещё больше оттянул доску и просунул голову внутрь ящика. Никакого чуда я там не увидел. Перед носом у себя я увидел какие-то провода и медные трубки. А дальше в темноте ничего невозможно видно.

Разочарованный, я вытащил голову из ящика, огляделся и вылез на базарную площадь через щель в воротах.

Придя домой, сразу сел за уроки, но мысль о трубках и проводах не давала мне покоя. Задачи не решались, стихи не учились. Я сделал все задания кое-как, с надеждой, что когда придёт мама, то мы с ней всё исправим.

Меня беспрестанно глодала мысль об этих блестящих медных трубках. Давно мы с Черёмой их искали. Где только не лазили, но таких трубок, как нам надо, найти нигде не могли. И вот тебе на! Они находятся в этом самом ящике, который стоит во дворе столовой. Это же тот самый размер, который подходил бы под патрон мелкашки.

Недавно пацаны смастерили из таких трубок поджиг. Они выстругали из доски приклад и примотали к нему проволокой медную трубку. В трубке сбоку проделали отверстие для запала. Дуло набивалось серой от спичек, потом она утрамбовывалась пыжом, сверху укладывалась дробинка, она тоже утрамбовывалась таким же пыжом. Потом через боковое отверстие заряд поджигался и поджиг стрелял. На сте-

нах сараев оставались чёрные пятна. Правда, в воробья попасть невозможно, так как поджиг долго шипел перед выстрелом, а воробей, испугавшись шипения, уже успевал улететь. Но всё равно всё это возбуждало во мне интерес.

Но у нас с Черёмой имелась другая мысль по поводу создания не поджига, а настоящего пистолета и мы её уже неоднократно обсуждали. Не надо набивать дуло серой. Вместо неё можно использовать патроны от мелкашки. Они запросто продавались у нас в хозяйственном магазине. Юрка, Вовкин брат, недавно купил целую коробку за пятьдесят копеек, и они ходили в горы со своими пацанами стрелять из винтовки. Вовка стырил у Юрки с десяток патронов и их наличие не давало нам покоя. А чтобы стрелять патронами, надо сначала заиметь такую медную трубку, которую я видел в ящике на столовском дворе. Но для исполнения этой мечты требовалось сделать затвор.

Вопрос, как его делать, мы с Вовкой тоже уже разработали. Это надо снять шпингалет с окна и заточить напильником его один конец, чтобы он с помощью пружины бил по капсюлю патрона своим остриём. Этот шпингалет должен стать бойком. Пружина мы уже нашли. Её откуда-то притащил Черёма. Откуда скрутить шпингалет я тоже знал.

Самое трудное заключалось в правильной заточке конца шпингалета. Шпингалет требовалось зажать в тиски. Нам, на уроках труда в школе, показывали, как работать напильником и мы на уроках труда пилили какие-то железяки, из-

меряли их штангенциркулями и подгоняли под нужные размеры.

Но это происходило в школе, а тут совсем другое дело. Дома нельзя пилить. Тётя Глаша моментально рассказала бы об этом маме. Значит, надо делать это в сарае. Сарай у нас большой, тёплый и светлый. Там стоял стол для работ и кое-какой инструмент. Самое главное, там находились маленькие тиски, которые папа подарил мне после инцидента с Басиевым.

***

У нас в посёлке было две «Волги». Одна у директора, а вторая у папы. Шофёры этих машин считались очень уважаемыми людьми. Они всегда ходили в чистой отглаженной одежде и возили своих хозяев только в город. На рудники же они ездили в «газиках».

А тут под нами на второй этаж поселился один дядька, у которого была своя «Волга».

Как-то я слышал, что папа говорил, что такую машину честным путём нельзя купить. А так как папа не любил нечестных людей, он с этим соседом не дружил.

Соседу требовалось где-то хранить машину, и он построил гараж рядом с нашим домом. Когда гараж ему построили какие-то плотники. В одно из воскресений он позвал всех мужчин нашего дома отметить окончание постройки гаража.

Сосед зашёл к нам домой и лично пригласил папу. Папе с неохотой согласился. Мама тоже высказывала своё недовольство этим приглашением. На что папа сказал ей:

– Ну не могу я отказаться. Ведь это же наш главный снабженец. От него очень многое зависит. Нельзя мне портить с ним отношения, – на что уже маме промолчала, и отпустила папу. За папой увязался и я.

Двери гаража открыты. «Волга» стояла рядом с гаражом. А перед дверями сосед поставил мангал и на нём мужчины жарили шашлык. В гараже стоял стол со скамейками по обе стороны. Вокруг стоял шум и веселье. Женщины принесли пироги и всяческие закуски. На столе стояло несколько бутылок и чайники. Я знал, что в этих чайниках не чай, а арака.

Папа сел со всеми мужчинами за стол. Они много говорили, ели и пили. Нам, мальчишкам, тоже перепадало то по куску мяса, то пирога. Но, самое интересное, находилось внутри гаража. Это верстак с инструментами.

Я протиснулся к нему и с интересом рассматривал всяческие инструменты, прикрепленные к стене или лежавшие на полках.

Больше всего меня заинтересовали маленькие тиски. Они выглядели точно, как тиски из мастерской нашей школы, но, только очень маленькие. Да к тому же ещё и красного цвета. Я не отходил от них. Крутил ручку зажима в разные стороны, старался зажать в них то гвоздь, то дощечку. Всё выходило на этих маленьких тисках точно так же, как и на больших.

Басиев, увидев мою заинтересованность тисками, подошёл ко мне.

– Что? Нравятся? – с доброй улыбкой погладил он меня по плечу.

Я кивнул головой в знак согласия.

– Забирай, – Басиев махнул рукой, как бы сметая тиски с верстака.

Я не ожидал такого поворота событий и от неожиданности потерял дар речи.

– Ничего, ничего, не стесняйся. Забирай, – так же уверенно настаивал Басиев.

Этот разговор услышал папа и подошёл к нам.

– Не надо этого делать, Сослан, – спокойно обратился он к нему. – Я же только вчера купил Лёне точно такие же тиски. Спасибо за подарок, но они у тебя здесь в гараже смотрятся лучше.

Басиев что-то возразил, но папа приобнял его за плечи и увёл за стол к мужчинам.

Через некоторое время папа, сославшись на дела по дому, поднялся из-за стола и, взяв меня за руку, пошёл домой. Я находился в недоумении:

– Пап! Так, где же эти тиски? Где они лежат? Я же их нигде не видел, – засыпал я папу вопросами.

– В гараже у дяди Гриши, – папа с хитрой улыбкой посмотрел на меня и пояснил: – Просто я забыл их принести домой. Хотел сразу унести их в сарай, но вчера мы вернулись

из города поздно вечером. Думал сегодня это сделать, но дядя Гриша отдыхает, и я не захотел его тревожить по пустякам. А у Сослана ничего не надо брать. А то он подумает, что дал мне взятку, и мне потом трудно будет с ним работать. Договорились? А завтра после того, как мы вернёмся с рудников, ты сможешь забрать тиски у дяди Гриши.

Вот это да! Это же самые настоящие тиски, хоть и маленькие! Ни у кого таких тисок нет, и папа сам догадался купить их мне. Я радовался папиной заботе обо мне и, вместе с тем, удивлялся.

– Как же ты догадался, что я хочу точно такие же тиски? – допытывался я у папы. На что тот, загадочно ухмыльнувшись, ответил:

– Секрет. Вырастишь, сам всё поймёшь.

Весь день я с десяток раз бегал к гаражу, но дяди Гриши там не было, и гараж был закрыт. Только уже вечером дядя Вася, шофёр директора, сказал мне, что они с папой срочно уехали в город на какое-то совещание.

Папа на самом деле вернулся очень поздно. И в руках он держал свёрток. Я так и впился в него глазами, а папа, увидев мой взгляд, улыбнулся:

– Держи. Вот они твои тиски.

Это и в самом деле оказались точно такие же тиски, но только зелёного цвета, но это уже не играло никакой роли. Главное, что папа выполнил своё обещание. Теперь тиски есть и у меня. С каким счастьем я ощущал их вес у себя

в руках и вдыхал запах свежей смазки, идущий от тисков.

На следующий день я выпросил у папы целый рубль, пошёл в хозяйственный магазин и купил напильники. А пока ещё светло, прикрепил их на стенку над рабочим столом в сарае. И, довольный, вернулся домой.

***

Так что тиски у нас были. Приклад для будущего пистолета мы уже выстругали и даже отполировали его наждачкой. Но вопрос, где же взять трубку, так и стоял ребром. Нам требовалось найти трубку, которая бы стала дулом для нашего будущего пистолета. Теперь я знал, где достать трубку и обдумывал план, как бы её добыть из ящика, стоявшего во дворе столовой.

Пока мамы не было дома, я приготовил фонарь, кусачки и ножовочное полотно. Я читал, как Овод перепиливал прутья решётки в тюрьме, и подумал, что без такого полотна мне не обойтись. Всё это я рассовал по карманам своей куртки. По продуманному плану, съел остатки конфет, а те, которые уже в меня не влезали, вынес во двор и раздал пацанам. Сегодня во дворе я чувствовал себя героем, и пацаны еле-еле отпустили меня домой, даже после того, как мама позвала кушать.

Накормив нас ужином, мама захотела напоить нас чаем. Она открыла сервант и вынула из него вазу с конфетами,

но та оказалась пустой, ведь я их сегодня все слопал сам и раздал остатки пацанам. По лицу мамы я заметил, что она очень удивлена отсутствием такого количества конфет, но она промолчала, а я, увидев её замешательство ненавязчиво предложил:

– Давай я схожу в магазин. Я быстро. Бегом. И тогда попьём чай со вкусом, – мама удивлённо посмотрела на меня, но согласилась.

Ведь я же уже большой и легко справлюсь с такой простой задачей, как купить конфеты. Дав мне рубль, она убедилась, что я знаю, какие конфеты надо купить и выпустила меня из дома, предварительно заставив надеть куртку.

На улице уже смеркалось, и требовалось действовать в скоростном режиме.

Через минуту я находился уже у ворот столовой. Змейкой проскользнул в щель ворот и тенью пробежал к ящику.

Доска так же отодвинута. Вынув фонарь из внутреннего кармана куртки, посветил внутрь, и увидел долгожданные трубки. Достав из другого кармана кусачки, я нажал ими на трубку. Вот тут-то и случилась то, что я даже и не предполагал.

Из повреждённой трубки раздалось громкое и страшное шипение. Всё пространство заполнилось каким-то туманом. Я закашлялся и пулей выскочил из ящика. Снаружи шипение не казалось таким уж страшным и громким. Тем более что оно постепенно затихало. И я решил подождать. А мо-

жет быть оно и совсем прекратится? Оно и в самом деле вскоре прекратилось, и я вновь пролез внутрь ящика. Теперь мне пригодилось ножовочное полотно. Я быстро перепилил трубку с одного конца, затем с другого. И вот, долгожданная трубка оказалась у меня в руках. Я теперь по-настоящему понял, как узники застенков совершали побеги из тёмных казематов. И действовал, как они.

Рассовав инструмент по карманам, я выскользнул в щель ворот и, как ни в чём ни бывало, пошёл в магазин. Купил именно тех конфет, о которых говорила мама, и побежал домой. Но на моём пути, как скала, стоял Жаронд.

– Чего несёшь? А ну давай сюда! – скомандовал он. – Всех сегодня угощал. А про меня забыл? – он бесцеремонно заглянул в кулёк, выгреб оттуда горсть конфет и, отвесив мне подзатыльника, пошёл своей дорогой.

С одной стороны, это и хорошо. Этой встречей с Жарондом я мог объяснить маме свою задержку, но, с другой стороны, уж очень мне стало жалко конфет.

Мама сразу заметила, что конфет меньше, чем надо и что у меня зарёванное лицо.

– Что опять произошло? Опять этот Жаронд к тебе приставал? – негодовала она. – Я завтра ему все уши оборву.

А под этот шумок я вынул в раздевалке весь инструмент из карманов, спрятал трубку и пошёл умываться.

Когда пришёл папа, то родители решили, что завтра мама пойдёт к маме Жаронда и всё ей расскажет. Этому решению

мамы я даже радовался, когда представил, как лупят этого Жаронда, и он извивается от боли от ударов ремнём. А лупили Жаронда по-настоящему, не то, что нас. Нам доставалось так, для острастки, но всё равно иногда бывало и больно. Требовалось только посильнее орать и побольше выпускать слёз. А Жаронду и это не помогало. Он молча извивался под ударами ремня, которым его охаживал отец, но потом отыгрывался на нас. Так что пощады мы от него никогда не ждали.

Следующий день для нас с Вовкой оказался самым счастливым днём. После школы, побросав портфели и переодевшись, мы побежали в наш сарай.

Трубку зажали в тиски. Линейкой я отмерил длину будущего дула и отрезал его по размеру. Пока Черёма снимал зазусенцы с концов будущего дула, я зажал шпингалет в тисках и начал обрабатывать его ударный конец. Я думал, что обточить боёк будет так же легко, как и отпилить медную трубку. Но обточка шла с большим трудом. Сталь на шпингалете оказалась очень твёрдой и едва поддавалась.

Скоро я устал и сел отдохнуть, а Вовка продолжил эту работу. И вот так, сменяя друг друга, мы долго-долго выпиливали боёк для нашего пистолета.

Но, если что-нибудь очень сильно захотеть, то оно всегда получится. Поэтому и боёк мы вскоре изготовили. Для удобства в работе приклад тоже зажали в тиски. В них прикрепили к нему и боёк и пружину.

С каким же удовольствием мы смотреть на готовый пистолет! Никто из наших пацанов не имел такого, а мы с Черёмой его сделали!

Вовка достал патроны, и мы попытались сделать первый выстрел. Но он сразу не получился. То пружина, не взводилась, то она потом не спускалась. Пистолет ходуном ходил в руках во время выстрела, и мы не могли точно прицелиться.

Наконец-то догадались закрепить пистолет в тисках, и тогда он уже выстрелил.

Радость переполняла нас. Мы прыгали и орали, как дикие негры в пустыне Сахара.

Тут же решили, что завтра после школы пойдём подальше от посёлка в горы и постреляем оставшимися патронами.

Но вечером папа пришёл с работы злой и расстроенный. Оказывается, прилавок ему подсунули бракованный с поломанной охлаждающей системой. Специалисты пообещали починить его только через неделю, и тогда уже его установят на место.

Через неделю прилавок, и правда, стоял в столовой. Он сиял прозрачными стёклами в витринах и никелированной сталью на боках.

Мы с Черёмой даже подошли к нему и погладили его прохладные бока. Он был очень красивый, и мне стало так жаль, что я доставил ему столько страданий. Но об этом знали

только мы с Черёмой и прилавок. Так это и осталось навеки нашей тайной.

А стрелять мы периодически ходили в горы. Потом боёк затупился, пистолет стал давать осечки, и я запрятал его в одно из секретных мест нашего сарая. Может быть, он и до сих пор там лежит.

Владивосток
2013 год

Уроки труда

Большая перемена длится двадцать минут. За это время можно купить в буфете пирожок, съесть его и поиграть в догонялки во дворе школы. А можно поиграть в ялычики, или послоняться по двору. Да мало ли что? Со временем всё это надоедало. Хотелось заняться чем-нибудь интересным.

Сегодня мне не очень-то хотелось заниматься прежними делами во время перемены. Я дожидался Черёму, когда он отойдёт от буфета. Тот с аппетитом уплетал очередной пирожок с повидлом.

– Слышишь, Вовка, – потянул я его в сторону, – ну его этот двор. Пойдём к Ардону.

– А что мы там будем делать? – как всегда, наивно смотрел он на меня.

– Что, что?! – Как меня достали его никчёмные вопросы, но справившись с секундным раздражением, я спокойно пояснил: – Камни покидаем. Сегодня тепло. Смотри, как солнце печёт. Не бойся, не опоздаем на урок, – уверенно пообещал я и показал на свои наручные часы. – У нас ещё целых пятнадцать минут в запасе.

Вовка недоверчиво посмотрел на меня, но согласился:

– А пошли. Часы у тебя идут точно, – подтвердил он и мы выбежали со двора школы. Там повернули налево к Ардону, и спустились вниз к этому нескончаемому бешеному потоку

воды.

Сейчас, осенью, вода в реке зеленоватая и не такая холодная, как зимой и в ней даже можно помыть руки, не боясь их отморозить.

Из-за шума воды приходилось кричать друг другу, чуть ли не на ухо, чтобы хоть что-то услышать.

От реки шла прохлада. У огромных валунов, на которые накатывались стремительные потоки воды, стоял небольшой туман от брызг, и иногда над некоторыми из них даже светилась радуга. После скучного школьного двора, здесь мы чувствовали себя свободно и вольготно.

Это весной, когда высоко в горах таят снега, Ардон на самом деле становился бешеным. Его воды становились грязными и намного стремительнее, чем осенью. Они переворачивали огромные камни и легко тащили обломки скал далеко вниз по течению. Вырванные с корнем деревья неслись, как щепочки. Эту воду во время паводков жители посёлка не пили и не умывались ею. В посёлок провели трубу с водой из верховьев Бадки, и у нас в кранах всегда текла чистая и вкусная вода. Папа гордился этим, что люди пили чистую воду. Это он предложил проложить трубу из верховьев Бадкинского ущелья, и осуществил свою идею. А перед этим посёлок потреблял воду только из Ардона.

Я постоянно поглядывал на часы а, когда стрелка подошла

к отметке возвращения, то скомандовал Вовке:

– Всё! Пора. А то опоздаем на урок, – и мы наперегонки помчались в свои классы.

***

Часы у меня на руке марки «Победа». Это недавно мы так же гуляли по берегу Ардона и копались в картонных ящиках, выброшенных из магазина.

Иногда в этих ящиках нам попадались интересные вещи. То расчёски, то мыло. Однажды мы даже нашли огромный флакон с одеколоном. Мы им так наполивались, что мама долго-долго отмачивала меня в ванне, чтобы из меня выветрился дух парфюмерии, от которой её тошнило.

Опустошённые и проверенные ящики с криком победителей мы швыряли в воду и смотрели, как они, ныряя в бешеных водах Ардона, скрывались за ближайшим поворотом.

И вот однажды, в одном из таких ящиков, я нашёл коробочку. Когда я её открыл, то поразился. В ней лежали часы. Коробочка вся промокла. Из неё даже полилась вода, когда я её открыл. Часы оказались очень красивыми. Белый корпус и зелёный циферблат.

В тот день мы перекопали все ящики на этой свалке, но для Черёмы часов так и не нашли.

Часы не работали. Даже после того, как я сушил их весь день на подоконнике, влага из них не ушла. Пришлось рас-

сказать всё маме. Та мне, конечно, не поверила. И только когда тётя Галя после страстного допроса Вовки подтвердила правоту моих слов. Тогда мама сама отнесла часы часовщику, купила для них кожаный ремешок и разрешила мне их носить.

В классе часы были только у меня. И на уроках мне приходилось десятки раз отвечать на вопросы одноклассников, сколько же времени осталось до конца уроков. Так что, когда начинаются и заканчиваются уроки и перемены, я знал чётко. И, поэтому, на урок мы с Вовкой не опоздали.

***

После школы, когда уроки закончились, мы вместе шли домой и обсуждали наше сегодняшнее приключение.

– Что? Пойдём завтра на большой переменке на Ардон? – допытывался я у Вовки. Но тут и допытываться не пришлось. Вовка сразу согласился. По его виду я понял, что кидать в воду камни лучше, чем слоняться по двору и остерегаться задиристых интернатовцев.

На следующий день мы повторили поход на берег реки. Но через несколько дней кидать камни в реку стало надоедать. И мы решили сделать разведку вдоль берега.

Вниз по реке, сразу после спуска, находилась большая заводь. Воды Ардона проносились мимо неё с бешеной скоростью. Тут когда-то давным-давно из огромных камней по-

строили стенку для укрепления берега, а на ней возвели большущую трансформаторную будку из кирпичей.

Мы иногда подходили к этой будке и пытались рассмотреть в щели дверей, что же там такое находится внутри неё. Но сквозь щели ничего не увидели. Из будки шёл только зловещий гул, и это нас ещё больше интриговало.

Двери будки всегда держались закрытыми на громадные замки, поэтому проникнуть в неё невозможно. Да ещё к тому же на дверях висели таблички со словами «Не влезай. Убьёт» с нарисованным зловещим черепом с перекрещенными костями. Ну точь-в точь, как на пиратском флаге.

Воды Ардона огибали естественный скалистый мыс и за нем образовалась тихая заводь, в глубине которой виднелся вход в таинственную пещеру.

Когда Ардон бушевал весной, то этот вход всегда заливало водой. Вода в заводи бушевала не меньше, чем на самом течении. А сейчас, осенью, когда уровень воды в реке понизился, вход в пещеру хорошо просматривался и к ней имелась возможность пробраться по узенькому галечному пляжу.

Вода в заводи едва плескалась от небольших волн, но в пещеру всё равно зайти в школьной форме мы не могли. Ноги бы промокли до колена.

На одной из перемен мы с Вовкой почти вплотную пробрались ко входу в пещеру. С нашей позиции мы разглядели только вход в пещеру, уходящую куда-то вглубь скалы.

Такая таинственность ещё больше будоражило наше воображение. Мы недавно посмотрели фильм «Граф Монте-Кристо» и наше воображение разыгралось. Нам казалось, что мы на самом деле нашли вход в пещеру, в которой нашёл сокровища беглец из замка Ив.

После уроков мы решили идти искать сокровища, так будоражившие наше воображение. Главное – надо надеть сапоги и взять фонари.

Вот мы снова около этого таинственного входа. Теперь можно не бояться, и смело зайти внутрь пещеры. Фонари включены, и мы двинулись вперёд.

Если идти вдоль скалы, и немного подняться на её край, то можно пройти по пляжику и без сапог, но внутри пещеры на земле плескалась вода, и именно там сапоги нам и пригодились.

Преодолев первые трудности, мы оказались в мрачной пещере, в которой стоял полумрак. Из стен торчали острые осколки камней, покрытых слизью. Шум реки почти не слышался и каждый шаг по лужам отдавался эхом от влажных стен. С них порой капали громадные капли воды. Так что скоро наши макушки стали мокрыми, и неприятные струйки холодной воды начали стекать по спине.

Пещера оказалась не очень-то и длинной. Мы обследовали все её закоулки. Но следов клада, к своему сожалению, так и не обнаружили. Зато посередине пещеры стояла железная, покрытая ржавчиной лестница, уходившая куда-то вы-

соко вверх, а окончание её терялось где-то высоко в темноте. Силы наших фонарей не хватало пробить эту толщу тьмы.

– Ну что? – я в нерешительности посмотрел на Вовку. – Что будем делать? – и таинственным шёпотом предложил ему. – Давай полезем наверх. Лестница обязательно должна вести к какой-нибудь двери.

По его виду я заметил, что ему тоже всё интересно.

– Конечно, полезем. – поддержал меня Вовка. – Только ты впереди, а я буду подсвечивать тебе снизу.

Я взялся руками за влажные, толстые и ржавые прутья железной лестницы и полез вверх. Вовка хорошо светил и скоро стало видно, что лестница упирается в какой-то странный люк.

Я подобрался к нему поближе и попытался сдвинуть его рукой. Но это мне не удалось. Люк не сдвинулся.

– Он не двигается, – шипел я вниз Вовке и тут он посоветовал:

– А ты попробуй сдвинуть его не рукой, а спиной.

Ничего не оставалось делать, как последовать совету Вовки. Я поднялся ещё на одну ступеньку. Упёрся ногами и руками в ступеньки, подставил спину под люк и, поднатужившись, попытался сдвинуть его в сторону. На удивление, люк легко поддался и отодвинулся. В образовавшуюся щель вниз хлынул поток света, и свет Вовкиного фонаря поблек. Я ещё больше увеличил щель и вылез в какое-то помещение, оказавшись на сухом цементном полу. Следом за мной туда про-

ник и Вовка.

В большом и чистом помещении, освещаемом через небольшие окна, расположенными чуть ли не под крышей, мы с интересом оглядывались.

– Где это мы? – в недоумении вырвалось у меня.

– Да мы же в трансформаторной будке! – с восторгом чуть ли не заорал Вовка.

И в самом деле. Из угла раздавался знакомый зловещий гул, а на серых шкафах в дальнем углу висели знакомые таблички с надписями «Не влезай. Убьёт» и такими же черепами со перекрещенными костями. Но гул из шкафов нёсся сильнее, чем слышался снаружи. И, казалось, что за дверцами серых шкафов находится трёхголовый дракон, готовый плюнуть в нас беспощадным огнём.

Обследовав внутренности будки, мы ничего интересного в ней не нашли. Только в углу валялись какие-то алюминиевые провода.

– А давай сделаем стрелы из этих проводов и уничтожим этого затаившегося дракона, – предложил Вовка. – Помнишь, как в кино Иван Царевич дрался с этим трёхголовым чудищем?

– А что? Давай! – с восторгом поддержал я его.

Мы нашли обрывки проводов покороче, выпрямили их и у нас получились самые настоящие боевые дротики.

– Огонь по дракону! – дружно прокричали мы и кинули в сторону зловещего шума свои дротики.

Но они долетели только до щита, ударились об него и отскочили. Но первый промах нас не смутил. Ведь у нас в запасе имелось ещё по несколько штук железных дротиков.

– А если подойти поближе и кинуть дротики за щит? Ведь дракон сидит за ним. Вот тогда мы уже точно поразим его! – не унимался я, распалённый предстоящим сражением.

Подойдя на несколько шагов ближе к щиту, за которым спрятался зловещий дракон, мы прицелились и по команде:

– Огонь! – бросили дротики за щит.

Наверное, мы попали в самое сердце дракона, и уже точно поразили его. Из-за щита вылетел сноп огня, блеснула яркая молния и всё стихло. Стояло неописуемо тихо. От страха и от огневых спецэффектов, мы сидели на полу и ни слова не могли сказать друг другу.

Я только моргал, и старался осмыслить, что же произошло. В глазах вращались какие-то жёлто-синие круги, вокруг всё стало серым, и я едва различил Черёму. Он также сидел на корточках напротив меня и в недоумении вертел головой. Постепенно пелена стала сходить с глаз, предметы начали приобретать знакомые очертания, а сознание возвращаться:

– Что это было? – хрипло выдавилось из полуоткрытого рта Вовки.

– Наверное, это была смерть дракона, – таким же хриплым голосом просипел я.

Тут Вовка неожиданно подскочил, как будто его кольнули

в зад шилом. И, с криком:

– Ой, помогите, спасите! Бежим! – ринулся к полураскрытому люку и исчез в нём.

Невольно мне вспомнилось, как однажды я на Вовкином заду испытал остроту своего шила. Тогда он подпрыгнул точно так же. Но так сильно он тогда не орал.

Его крик, как бы и меня разбудил. Я собрался с силами, встал, поднял фонарики, рассовал их по карманам, спустился на пару ступенек вниз по лестнице и задвинул за собой люк. Сразу наступила кромешная темень. В глазах всё ещё плавали разноцветные круги, но мысль работала чётко.

«Надо делать ноги».

Включив фонарь, я осторожно, крепко цепляясь за прутья лестницы, медленно стал спускаться вниз. Внизу меня ждал Вовка. Он ошалело смотрел на меня.

– Давай, быстрее, быстрее. Быстрее бежим отсюда, – нервно бормотал он.

Мы, конечно, не побежали, а осторожно выбрались из пещеры и взобрались на косогор возле школы. Я удивился количеством бегающих во дворе учеников. Все орали одно и то же:

– Ура! Света нет! Уроков на сегодня не будет.

Оказалось, что на третьем уроке второй смены свет неожиданно потух. Особенно радовались те, у кого труды. Мастерские находились в полуподвальных помещениях, и там вообще стояла кромешная темень.

И только мы с Вовкой не ликовали. Ведь, как стало нам понятно, свет шёл в школу из этой злосчастной трансформаторной будки, в которой за щитом сидел огнедышащий дракон. Тихонечко, чтобы никто нас не заметил, мы улизнули от этой галдящей оравы и рассосались по домам.

Наутро мы с Вовкой поклялись, что про огнедышащего дракона никому в жизни не расскажем. Так оно и произошло. Мы больше никогда не спускались вниз к этой зловещей пещере и никому никогда не рассказывали о страхах, пережитых от встречи с драконом.

Но в шестом классе эта история вспомнилась мне снова. И это случилось только потому, что у нас проходили уроки труды. На трудах мы пилили напильником какие-то железяки. И это было так нудно и долго, что мне каждый такой урок давался через силу. Учитель труда оказался страшным занудой. Он придирался ко всему. То не в такой стойке стоишь, то не так держишь напильник, то плоскость пошла вкось, то сотую миллиметра переточил, то не доточил. И так продолжалось целых два урока. После уроков труда в столярной мастерской работа в слесарке являлась сущим наказанием.

Но кому-то и нравилось выпиливать напильником из бруска железа молоток, а мне это занудство стало поперёк горла. И тогда, вспомнив о наших приключениях с Черёмой, произошедших несколько лет назад, я решил осуществить план прекращения уроков труда.

Теперь я чётко знал, что никакой дракон за теми щитами не живёт. Его рисовали нам только наши детские фантазии. В будке находились обычные распределительные щиты от трансформаторов, через которые подавалось электричество в школу и соседние дома.

На перемене перед уроками труда я вновь спустился к пещере. Подсветив себе путь до лестницы, взобрался по ней вверх.

Теперь я знал, куда мне надо взбираться и что меня ждёт впереди. Страха я не испытывал, потому что конечную цель заранее знал.

Люк под напором моего плеча поддался легко, не то, что в прошлый раз. Я выбрался из него и осмотрелся. Казалось, что с прошлого раза тут ничего не изменилось. Так же в углу валялась куча проводов. Так же натужно гудело за щитом. Даже наши дротики, брошенные от страха перед зловещим драконом, валялись на прежних местах. Только вот пыли стало больше.

Осторожно подобрав дротики, я залез по пояс в люк. Размахнулся и бросил за щит один из проволочных дротиков. После броска моментально присел и спрятался в люк. Но ничего не произошло. Наверное, дротик не попал на электрические контакты. Тогда я повторил свою попытку снова. Опять ничего! Щит так же надсадно гудел.

Тогда я прицелился точнее и после броска вновь присел

на лестнице, чтобы моя голова не возвышалась над люком. Глаза я сразу закрывал. И тут как полыхнёт! Даже сквозь закрытые глаза по ним ударила яркая фиолетовая вспышка.

Но теперь я знал, чем заканчивается такая игра в дротики и поэтому не ослеп, как в прошлый раз.

После вспышки я приподнялся в люке и, убедившись, что щит уже не гудит, закрыл люк и быстро вернулся во двор школы.

Света в школе не было. Как ни в чем ни бывало, я прошёл к классам труда, но там, в коридоре стояла абсолютная темнота. Все наши толпились у входа и не решались пройти внутрь. Вышел учитель и объявил нам:

– Пока света нет, никому не расходиться. Когда дадут свет, то уроки продолжаться. Всем находиться во дворе.

Но света не дали ни через час, ни через два. И мы спокойненько пошли домой. Во дворе дома меня встретил Черёма. Он подошёл ко мне и заговорщицки спросил:

– Ты сделал? – оглянувшись по сторонам, я утвердительно кивнул головой.

– А не страшно было? – не унимался Вовка.

– Всё нормально, – процедил я сквозь зубы. – Всё отработано.

На следующий день на перемене я увидел электриков нашего посёлка, входивших в школу. Они прошли к кабинету директора. В руках одного из них я увидел куски проволоки, в которых узнал свои дротики. Сердце ёкнуло. Всё хана! Те-

перь всё обнаружится.

Электрики долго сидели у директора. Из полуоткрытой двери я слышал, как они убеждали директора, что вчерашнее происшествие со светом, это хулиганство наших школьников.

Директор с ними не соглашалась и пообещала, что приложит все усилия, чтобы узнать правду.

В этот же день администрация школы построила всех учащихся на линейке, где директор с гневной речью рассказала о вопиющем хулиганстве, произведённым кем-то из учеников нашей школы. Но хулигана так и не нашли.

Происшествие вскоре забылось. Жизнь шла своим чередом.

Мне всё равно приходилось ходить на эти нудные уроки труда и больше трёх моя отметка по ним никогда не поднималась. Хотя по остальным предметам в конце первой четверти троек у меня не было. Преобладали только пятёрки.

Владивосток
2013 год

Рыбалка

Часть первая

Над Черёмой жил очень серьёзный дядька по фамилии Бочкарёв. Работал он в том же рудоуправлении, что и папа. Почти каждый выходной день он ходил на рыбалку. Уходил он утром, наверное, очень рано. Этого мы никогда не видели. А когда возвращался, то я всегда подбегал к нему и просил показать пойманную рыбу.

Бочкарёв никогда не отказывался показать свой улов. Вокруг сразу же собирались наши пацаны, и мы всегда с восторгом и интересом разглядывали форель, водившуюся в наших бурных реках.

Я с трудом представлял, как эти рыбины могли преодолевать стремительное течение Ардона и горных речек. И как они вообще могли жить в такой холодной и бурной воде? Бочкарёв нам рассказывал о премудростях рыбалки в горных реках, и мы с интересом впитывали каждое его слово.

Но таких удочек и крючков, как у Бочкарёва, ни у кого из нас не было. И нам только и оставалось, что с завистью смотреть на его уловы.

Приходя домой, я с восторгом рассказывал папе о рыбинах, пойманных Бочкарёвым. Папа внимательно меня выслушивал меня и как-то раз пообещал, что если я закончу год без троек, то он обязательно купит мне такую же удочку, как у Бочкарёва и точно такие же снасти.

Учебный год закончился. Закончил я его хорошо. Но всё-таки в дневнике чёрным зигзагом маячила одна тройка по труду. Я знал, что не выполнил обещание, данное папе, и поэтому долгожданной удочки не ждал. Было очень обидно и даже стыдно перед папой, что я не сдержал своё обещание. Но что уж тут поделаешь? Одним словом, я обещание не выполнил и удочки мне не видать.

Начались летние каникулы. Большинство пацанов уехало в пионерский лагерь «Горняк», находившийся недалеко от города Орджоникидзе. Остальные разъехались по бабушкам и дедушкам, а я остался в посёлке почти один. Были, конечно, и другие пацаны. Но они не входили в круг моих друзей. Поэтому я целыми днями сидел дома и читал книги.

Отец Черёмы имел богатейшую библиотеку, и я ею пользовался. Папа тоже собирал книги. Они у нас хранились в специальных шкафах в папином кабинете. Но у Черёминых книг насчитывалось намного больше и выбор богаче. Поэтому я уже перечитал многое из Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна, Александра Беляева, подобрался к книгам Станислава Лема и Конан Дойля. Я жил в мире приключений и фантастики. Гулять на улице с малознакомыми пацанами мне не хотелось. С ними, кроме как игры в ялчики или шарики, меня ничего не связывало.

Мама всё время пыталась выпроводить меня на улицу, но я находил всяческие причины, чтобы не идти туда. Книги стали моими лучшими друзьями.

Папа тоже смотрел на меня с непониманием. И вот однажды он приехал из города с каким-то странным свёртком в руках. Мы, как всегда, радостно его встретили. И он, с такой хитрецой в глазах, принялся разворачивать этот загадочный свёрток.

От восторга я даже запрыгал, когда увидел, что из свёртка появились удочки. Одна большая и две поменьше.

– Большая удочка – это для меня, – объяснял папа, – а эти две – это для тебя и Вовы, – и он протянул нам с братом такое сокровище.

Мы держали в руках лёгкие бамбуковые удочки и не верили своему счастью. Они легко собирались и разбирались. Их вес почти не ощущался в руке. С восторгом мы благодарили папу за такой подарок. А папа так же загадочно вынул второй пакет и достал из него несколько катушек с леской и крючками. Мама только всплеснула руками:

– Сколько же ты потратил на всё это? – на что папа только улыбнулся и, обняв нас с братом, торжественно пообещал:

– Теперь мы не будем сидеть сиднями дома, как старые деды, а будем по выходным ходить на рыбалку!

От услышанного, мы завизжали от радости, но папа охладил наш восторг:

– Но для этого надо научиться готовить снасти, – и серьёзно посмотрел на наши счастливые физиономии. – Надо научиться готовить лески, привязывать к ним грузила и крючки. А вот как это сделать, вам покажет дядя Витя Бочкарёв.

Я с ним договорился. Поэтому завтра после работы вы можете пойти к нему домой, и он покажет вам маленькие хитрости рыбаков.

Следующий день казался мне самым длинным днём в жизни. Я никак не мог дождаться его конца. Вот и мама уже пришла с работы. Значит, рабочий день уже закончился!

Я сразу пристал к маме с просьбой:

– Мам, ну позвони дяде Вите. Ну, узнай, когда можно будет к нему прийти? – ходил я за ней следом и канючил.

В конце концов мама не выдержала и отчитала меня:

– Ты что такой непонятливый? Он же только что пришёл с работы. Дай ты ему отдохнуть. Он же хотя бы поесть должен! – но уступив моему нытью, всё-таки позвонила. Поговорила, положила трубку и уже мягче сказала:

– Иди уже. Он тебя ждёт.

Долго уговаривать меня не пришлось. Я пулей вылетел из дома с пакетом, в котором находились лески, грузила и крючки.

Дверь мне открыли сразу. Дядя Витя оказался не таким угрюмым, каким он ходил по улице. Он улыбался, много рассказывал о рыбалке и учил меня премудростям приготовления снастей.

Пальцы не слушались, когда я вывязывал узлы. Было обидно, что у дяди Вити получается всё красиво и гладко, а у меня только какие-то «бороды».

– Ничего, ничего, – приговаривал ободряюще дядя Витя. – У всех с первого раза ничего не выходит гладко. Ты только старайся. И у тебя всё получится. Вон Юрка, – указал он на своего сына, появившегося в проёме дверей, – тот только с десятого раза правильно привязал крючок.

Юрка – высокий красивый парень. Он дружил вместе с Юркой Черёминым и Юркой Козловым. Все они вымахали высокими и статными ребятами, учились в девятом классе, хорошо играли в волейбол и играли за сборную школы. Вот и сейчас он собирался на очередную тренировку. Поэтому не обратил внимания на слова отца, а только потрепал меня по затылку:

– Учись. Когда научишься, возьмём тебя с собой на рыбалку, – и дядя Витя поддержал его.

– А что? Завтра можно и сходить. У меня завтра свободный день. Как ты, Юра, пойдёшь?

Но Юрка уже из дверей крикнул:

– Нет. Мы должны тренироваться. Наша команда должна стать самой лучшей. Скоро соревнования. Пропускать тренировки нельзя. Возьми с собой Лёньку. Ему будет интереснее, – и захлопнул за собой дверь.

– А что? Неплохая идея, – рассудил слова сына дядя Витя и с хитрецой посмотрел на меня. – Пойдёшь завтра со мной?

Какие могли быть тут разговоры!? Зачем задавать нелепые вопросы!? Идти на рыбалку с самим Бочкарёвым! Это же предел моих мечтаний! Но от волнения я только смог

выдавить из себя:

– Да.

– Ну, вот и хорошо, – Бочкарев похлопал меня по плечу и напомнил: – Только подъём будет в пять часов, потому что выходим мы полшестого, – серьёзно взглянув на меня. – А если хочешь рыбачить, то давай, учись и повторяй за мной всё. На рыбалке учёбой уже некогда будет заниматься. Там надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Я ещё долго мучился с этими непослушными узлами. Наконец-то у меня кое-что, похожее на снасть, стало получаться. И вот! Первая снасть получилась!

Бочкарев посмотрел на неё, подёргал за крючок и грузило.

– Вот, её-то мы сейчас и привяжем к удочке, но надо ещё сделать две штуки в запас. А то, вдруг, снасть затащит течением под камень и не будет возможности её вытащить. Вот тогда и пригодится запасная.

Я с удовольствием начал делать ещё снасть под наблюдением Бочкарёва.

Прощаясь, он напомнил мне:

– Не забудь. Полшестого, как штык, чтобы был у моего дома. Если опоздаешь, то я тебя ждать не буду. На рыбалке бывает каждая минута дорога. Понял? – и, получив мой утвердительный кивок, добавил: – И скажи маме, чтобы она приготовила тебе поесть. Ведь весь день будем ходить по реке.

Дома я взахлёб рассказывал о будущей рыбалке. Показывал снасти, демонстрировал своё умение в завязывании крючков. От переполнявшего меня счастья, я не мог успокоиться, в предвкушении завтрашней рыбалки. Меня ничто не могло остановить. Я всё рассказывал и рассказывал о навыках, приобретённых сегодня, и как я буду ими пользоваться завтра. Даже вечернее папино чтение романа Жюль Верна, меня не успокоило.

Теперь папа нам на ночь читал по одной главе из приключенческих романов. Сказки о похождениях Иван Ивановича закончились. Вечернее чтение для нас оказалось даже интереснее. Это и нас самих побуждало читать и переживать с героями романов их радости и невзгоды. Но сегодня даже папины слова:

– А что будет дальше, мы узнаем завтра, – не расстроили меня. Меня переполняли мечты о завтрашней рыбалке.

Улёгшись в кровать, я долго ворочался, но никак не мог уснуть. В конце концов, не выдержал и вышел на кухню, чтобы пожаловался папе, что не могу заснуть. На что папа приобнял меня за плечи и с улыбкой спросил:

– Что, думаешь о завтрашней рыбалке?

Я утвердительно кивнул. Тогда папа задумался на секунду и, взмахнув ладонью, как бы нехотя, решил:

– Дам я тебе самое лучшее снотворное. Когда я не могу заснуть, то я сам пью его. Если ты его выпьешь, то моментально заснёшь. Только спи не очень крепко, а то прозеваешь

звонок будильника и проспишь всю рыбалку, – усмехнулся он и, достав свою аптечку, вынул оттуда какую-то большую таблетку. Посмотрел на неё и со словами: – Вообще-то эта доза для тебя будет велика. Дам ка я тебе только половинку. Для детей твоего возраста этого будет вполне достаточно.

Я запил таблетку водой и отправился в свою комнату спать. Возбуждённость сразу пропала, я расслабился и, как говорил папа, моментально заснул.

(Только много лет спустя, папа со смехом рассказал, что он тогда дал мне обыкновенный кальций).

Часть вторая

Будильник неожиданно затрезвонил над моим ухом. От его трезвона я подскочил и сел на кровати. Ошалело, огляделся по сторонам, ничего не понимая. Что это за звон такой и почему этот надоедливый будильник так настойчиво звонит?

Но тут, окончательно проснувшись, вспомнил.

Мне же надо на рыбалку!!! Как же я это совсем забыл?!

Быстро соскочив с кровати, побежал в ванную комнату, а холодная вода полностью прогнала сон. Ополоснув лицо, я почистил зубы и вышел на кухню.

Мама с любовью посмотрела на меня:

– Рыбачёк ты мой. Садись кушать, а то и вправду, если будешь копаться, то Бочкарёв без тебя уйдёт, – приговаривала она, собирая мне небольшую сумочку с едой.

Но меня не пришлось уговаривать. Я всё делал быстро и чётко. Одежду я собрал ещё с вечера, так что сборы не заняли много времени. Удочка и снасти, тоже собранные с вечера, стояли в углу коридора.

Схватив их, я попытался выбежать из квартиры, но мамины нежные руки обняли меня. Она наклонилась и поцеловала меня в жёсткую макушку:

– Иди уж, иди, рыбачек ты мой, – подтолкнула она меня к двери. – Лови рыбку и большую, и маленькую, – улыбну-

лась она мне и распахнула дверь.

Тут уже меня не пришлось держать, и я пулей вылетел на улицу, помчавшись к дому Бочкарёва.

Но у подъезда я никого не увидел. Неужели я опоздал? Неужели я так долго копался дома? От обиды я чуть не расплакался. Но, взглянув на часы, увидел, что до половины шестого ещё оставалось пять минут.

И, проглотив противный слёзный комок в горле, принялся ждать. Секундная стрелка почти стояла на месте. Она медленно-медленно двигалась по циферблату. Я даже потряс часы, чтобы убедится, что они идут, но тут дверь подъезда открылась и из неё вышел дядя Витя.

– О! Ты уже здесь. – Удовлетворённо произнёс он. – Молодец. Не заставил никого ждать. Значит, всё у нас будет по расписанию, и мы не опоздаем на утренний клёв. Ну, что? Пошли.

И мы тронулись. Сначала дошли до школы, а потом свернули в ущелье, ведущее в верховья Бадки. Солнце ещё не заглянуло туда и мне даже пришлось поплотнее застегнуть куртку, чтобы не растерять тепло.

Чтобы побороть утреннюю прохладу, Бочкарёв шёл быстро. Я старался не отставать от него и вскоре от такой быстрой ходьбы мне стало даже жарко. До Первого моста шли с одним привалом.

В этом месте на дороге находилась поляна с большими, плоскими и удобными для сидения камнями. Когда мы вме-

сте с папой ходили по этой дороге, то тоже всегда останавливались на этой поляне. Папа проверял наш багаж, и всегда обнаруживалось, что кто-то из нас обязательно что-нибудь забыл дома. Поэтому папа так и прозвал эту поляну – Поляна растерях.

Сейчас я тоже проверил, всё ли я взял. Оказалось, что сегодня я ничего не забыл. И когда я рассказал дяде Вите о названии этой поляны, то тот даже рассмеялся.

От поляны вниз уходил крутой обрыв. И, где-то там внизу, шумела Бадка.

Чтобы перебить жажду, я сорвал несколько листочков барбариса и старательно их пережёвывал. По обе стороны от дороги круто вверх поднимались голые скалы. Казалось, что они своими пиками вонзаются в небо. А оно становилось всё синее и синее. Где-то за этими горными вершинами уже начало подниматься солнце.

Бочкарёв поднялся, поправил рюкзак и подмигнул мне:

– Ну что, рыбак? Потопали дальше? – я тут же подскочил со своего места. Мне так не терпелось начать мою первую самостоятельную рыбалку.

Через несколько поворотов дороги, идущей круто вверх, мы дошли до Первого моста, сделанного из толстенных брёвен. Их надёжно скрепляли железные скобы и троса. Внизу под мостом бесновалась Бадка. В весеннее время, когда вода в реке сильно поднималась из-за таяния снегов, и она имела серо-чёрный цвет, её уважительно называли Баддон.

А сейчас, летом Бадка обмелела, но не потеряла своей стремительности. Смотреть вниз с моста на пенистые и стремительные потоки воды, несущиеся под мостом, было страшно. Но я только одним глазком глянул вниз и сразу же отпрянул от края моста. Увидев мою реакцию, Бочкарёв строго предупредил:

– Никогда не лезь к краю. Тут можно и поскользнуться. А там внизу спасенья уже не будет.

Прошли этот опасный Первый мост. До Второго моста путь короче. Вокруг возвышались те же голые скалы, с редкими кустами барбариса и какими-то лиственными деревьями, да Бадка шумела где-то рядом. Её воды уже виднелись с дороги. Вокруг стояла водяная пыль и стало намного прохладнее. Несмотря на то, что мы двигались быстро и разгорячились от ходьбы, холод всё равно добирался до тела.

Я старался не отставать от Бочкарева, а тот с усмешкой поглядывал на меня, но темпа движения не снижал.

Дошли до Третьего моста. Он чем-то напоминал Второй. Отличие его заключалось только в том, что он намного мощнее предыдущих мостов, так как воды Бадки совсем проносились рядом. Поэтому весной, в половодье он мог противостоять бешенству Баддона, хотя иногда непокорные воды реки переливались и через него.

После Третьего моста ущелье начало расширяться, и перед нами открылась широкая долина реки. Папа рассказывал, что на этих пологих склонах когда-то росло множество

сосен, но бельгийцы, начавшие здесь разработки полиметаллов в царские времена, вырубили их для постройки посёлка и шахт. Сейчас, на заросших травой склонах, виднелись только редкие сосны. Но чем выше в горы, тем гуще они росли. А вершины их сплошь покрывала тёмно-густая зелень елей.

Прошлым летом мы с папой забрались туда и собрали множество маслят и лисичек. Я с наслаждением бродил среди большущих, пахнущих хвоей сосен и кустов можжевельника, выискивая спрятавшиеся грибы.

А сейчас мы с Бочкаревым взошли на Четвёртый мост и оглянулись назад, в узкое горло ущелья. Перед нами предстала невероятно красивая картина.

Первые лучи восходящего солнца окрасили розовым цветом громадную гряду серых скал, видневшуюся далеко-далеко напротив нас. Панорама Столовой горы завораживала своей красотой и от неё невозможно было отвести взгляд.

Особенность этой горы состояла в том, что рельеф её напоминал лежащего человека, спящего на спине и скрестившего руки на груди. Справа, возле его головы находилась другая гора. Она имела круглую форму и по преданию рядом со спящим исполином лежала собака. Она, как будто, охраняла вечный сон своего хозяина.

Картина розовой от восходящего солнца Столовой горы и суровых сказ ущелья, из которого мы только что вышли, оказалась настолько красивой, что Бочкарев долго сто-

ял и любовался ею. Меня тоже заворожила эта картина девственной красоты гор, что и молча стоял рядом с ним.

Прошлым летом папа даже сфотографировал Столовую гору.

Но мы же пришли на рыбалку, а не созерцать красоту гор, поэтому, пройдя немного вверх от Четвёртого моста, спустились к самой реке. В этом месте река разлилась и её воды спокойно текли по ровному, усыпанному мелкими камнями дну.

– Ну, а вот теперь будем искать наживку, – бодро обратился ко мне дядя Витя, расправил голенища сапог и вошёл в воду.

Он переворачивал большие камни и снимал с них каких-то маленьких, сереньких рачков. Потом вышел на берег и показал мне свою баночку, в которой шевелились эти самые серые рачки.

– Давай, давай! – подбадривал он меня. – Делай, как я. Собирай для себя наживку. Без неё ты ничего не поймаешь. Форель, кроме как на эти рачки, ни на что не клюёт.

Я тоже зашёл в воду. Вода оказалась настолько холодной, что даже через сапоги, ноги начали мёрзнуть и неметь. Не говоря уже о руках. Их моментально свело, и они ничего не чувствовали. Пальцы ещё шевелились, но почти потеряли чувствительность, поэтому собирать рачков с перевёрнутых камней я вскоре не смог. Камни то проскальзывали между пальцев, то одеревеневшие пальцы вообще не могли снять

рачков с камня.

Но кое-что я насобирал. Вода хоть и шумела, но я постоянно слышал ободряющий голос дяди Вити:

– Ничего, что холодно. Если руки окоченели, ты их разотри и делай это регулярно. Тогда они всегда будут тёплыми, и рачков станет собирать легче.

Я послушался его совета. На самом деле. К рукам вернулась чувствительность и сбор рачков облегчился. Вскоре и моя баночка наполнилась рачками.

Дядя Витя вышел из реки, посмотрел в мою баночку и ухмыльнулся:

– А Юрка в первый раз вообще ни одного рачка не смог найти. А ты молодец. У тебя хоть что-то есть. На вот тебе ещё немного и пойдём, начнём ловить. Смотри, солнце уже начинает подбираться к вершинам.

Вершины в долине, и в самом деле, начинали розоветь. Зато от реки шёл настоящий холод. От него и прохлады долины меня начало трясти. Хоть я и кутался в курточку, которую с боем всё-таки надела на меня мама, но зуб на зуб не попадал, челюсти дробно стучали, но я старался не показывать этого дяде Вите.

А он, не обращая на меня внимания, быстро пошёл вверх по крутому берегу реки. Я едва успевал за ним и от такой ходьбы немного согрелся.

Вскоре мы пришли к первой заводи, где дядя Витя уселся на большущий камень, раскрыл рюкзак и вынул оттуда тер-

мос. Налив горячий чай в чашки, одну он протянул мне.

– На, пей. А то трясёшься, как осиновый лист. А рыбаку нельзя трястись. Чувствительности в руках не будет, – я взял трясущимися руками чашку и сделал глоток. Чай оказался очень вкусным. Тепло разлилось по всему телу и дрожь вскоре прошла.

Бочкарёв и сам согрелся чаем. Потом он потёр руки и подмигнул мне:

– Ну, вот и начнём сейчас нашу рыбалку. Ты, главное, не торопись. Видишь. В этом месте проток воды повернул к тому берегу, а у этого берега вода не бурлит, поверхность её гладкая. Это и есть заводь. Раскрывай свою баночку. Нанизывай на крючок по одному или по два рачка. Заходи с берега так, чтобы тебя из воды не было видно. Или прячься за кусты. Осторожно ходи. Вода в реке хоть и бурлит, но рыба слышит посторонний шум и пугается. В то место, где поток воды подходит к началу заводи, бросай леску, и выводи ей в заводь. Но в спокойную воду не веди, веди вдоль всего бурного течения. Обмани форель. Сделай вид, что рачки занесены течением. Если в заводи есть рыба, то она обязательно бросится на предложенных рачков. Ты это сразу почувствуешь. По руке тебя как будто ударят. Ну, а если после нескольких попыток никто не клюнул, то иди и ищи другую заводь. Может быть там будет рыба.

И мы пошли вдоль берега вверх по течению. Бочкарёв наблюдал, как у меня получается с рыбалкой. Убедившись, что

я всё понял, перешёл по камням на другой берег и вскоре исчез где-то впереди.

Я старательно выполнял все рекомендации Бочкарёва. Осторожно подкрадывался к каждой заводи. Выискивал вход потока воды в заводь и бросал туда леску. Хоть грузило на снасть я навесил и тяжёлое, но таким стремительным течением его всё равно уносило. Со временем я приноровился к непокорным водам и леска начала заплывать в заводь. Я вёл удочку вдоль потока. И так повторял по три четыре раза на каждой заводи. Но долгожданного удара по рукам так и не происходило. Рука только чувствовала, гул течения, редкие удары грузила о камни и больше ничего. От такого однообразия я расслабился и стал зевать по сторонам, рассматривая противоположный берег. В общем, потерял бдительность. Мне уже стало надоедать это однообразие. Никакой рыбы я не видел, а закидывать удочку мне уже стало надоедать.

Вот тут-то я и поплатился за мою невнимательность. По руке, как будто, что-то ударило, а удочку от такого удара вырвало из рук. Я онемел от неожиданности, а удочка упала в воду и её вот-вот могло подхватить течением и унести бурлящей водой. Не знаю как, но я бросился в ледяную воду Бадки за уплывающей удочкой. Мне удалось подхватить её в самом конце заводи. Я выхватил её из бурлящего потока воды и выкарабкался на берег.

После купания в ледяной воде Бадки у меня вновь затряс-

лись руки и ноги. Опять я не мог сомкнуть челюсти. Зубы стучали. Но я был доволен. Удочка спасена! Можно продолжать рыбалку! Так вот значит, как клюёт эта загадочная форель, которую я так и не смог разглядеть и обхитрить!

Я поглядел на пустой крючок. Наживку кто-то съел. Значит, это съела её рыба. Есть здесь рыба!

– Ну, если ты такая хитрая, то я должен тебя поймать. Я тебя обману, если ты ещё здесь, и я не распугал тебя своим купанием, – твердил я сам себе.

Вылив воду из сапог, я разделся, выжал брюки и рубаху. Хорошо, что перед подходом к этой большой заводи я снял сумку с плеч и положил её около громадного гладкого камня. Она так там и лежала. В ней находилась коробочка с рачками и еда.

Там же лежал и маленький термос, который мне всучила мама. Вынув его, я обнаружил, что чай ещё тёплый. Отпив несколько глотков и согревшись, я принялся за бутерброд. Дрожь от холода стала понемногу проходить и тогда я вновь взялся за удочку. Нанизав плохо гнущимися пальцами пару рачков на крючок, я вновь закинул удочку в начало заводи.

Десятки раз я повторял этот приём обмана рыбы, но удара по рукам больше не получал. Наверное, своим купанием я всё-таки распугал всю рыбу. Но я упорно раз за разом забрасывал удочку. И вдруг, как будто кто-то вновь ударил меня по рукам. Но я всё внимание сосредоточил на удочке и каждую секунду ждал именно такого удара. Сейчас он для меня

уже не стал неожиданным.

Я дёрнул удочку немного в бок по течению, а затем вверх. И, о чудо! Вместе с леской из воды вылетело что-то громадное и серебристое. Я продолжил свой рывок в сторону берега, бросил удочку на траву и кинулся к этому серебристому существу, вылетевшему из воды. На траве билась огромная рыбина! Я попытался схватить её, но не смог. Настолько она оказалась скользкой и изворотливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.